

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Продолжение
легендарных
«Браконьеров»!

РЕЦИДИВ

Браконьеры

Василий Головачев

Рецидив

«ЭКСМО»

2012

Головачев В. В.

Рецидив / В. В. Головачев — «Эксмо», 2012 — (Браконьеры)

ISBN 978-5-699-59914-1

Максиму Одинцову, майору ГРУ, и его товарищам, больше подготовленным к сугубо земным делам: спецоперациям, диверсиям, информационной разведке, – видимо, на роду написано оказываться в центре событий, которые иначе как фантастическими не назовешь. Галактические «черные риелторы», с которыми группе Одинцова уже однажды пришлось столкнуться, на сей раз вознамерились продать не далекую планетку в глубинах Вселенной, а... Землю, предварительно зачистив ее от «условно-разумных» обитателей. Однако вскоре самоуверенным пришельцам предстояло убедиться, что не стоит недооценивать противника, о котором так мало знаешь, тем более на его территории...

ISBN 978-5-699-59914-1

© Головачев В. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Василий Головачев

Рецидив

Окрестности хутора Синдор

3 июля, полдень

С неба сыпал мелкий холодный дождик, налетая порывами, кусты и деревья вокруг поляны казались покрытыми слюдяной плёнкой. Спрятаться было негде, куртки на всех промокли быстро, но люди этого не замечали, с оторопью разглядывая родной пейзаж так, будто увидели в первый раз.

Стояли тесной группой, двенадцать человек, хотя в таком составе встретиться не мечтали.

Максим и Ольга, затрапезного вида грузин с усиками, команда Максима: капитан Брызгалов, лейтенанты Есипчук, Жарницкий и Тарануха. И команда генерала Охлина, за исключением егеря: сам генерал, заросший рыжей щетиной, его помощник капитан Еремеев, начальник Синдорского охотхозяйства Пуфельрод и два телохранителя генерала – Петро и Вован, от одного вида которых у Максима сводило скулы.

Первым нарушил молчание Охлин:

– Какого дьявола мы здесь торчим?!

– Мы шли в... туда, – проблеял Пуфельрод, тщетно пытаясь стереть с лица плёнку воды.

– Где вертолёт?

Охотники завертели головами.

– Тут должен быть, недалеко, – неуверенно сказал капитан Еремеев.

Охлин перевёл взгляд на Максима, посмотрел на молча стоявших Брызгалова и его оперативников.

– А это кто?

Мутные глаза бритоголового бугая по имени Петро прояснились:

– Геннадий Фофанович, это он... нас... у бани...

– Что он здесь делает?

– А хрен его знает.

– Мы же их искали, – опомнился Савелий Тарануха, ошалело глянув на командира.

– А где егерь? – очнулся Пуфельрод. – Вроде с нами вместе шёл.

– Отойдём, – кивнул на край поляны Максим.

Брызгалов и его команда, исполненная не меньшего удивления, чем охотничья, двинулась за ним.

Ольга Валишева в своём серебристом блестящем костюме, превратившем её под дождём в стеклянную статуэтку, осталась на месте, рядом с грузином небольшого роста, в котором Володя Есипчук узнал чекиста из Москвы.

Максим оглянулся, заметил, что Ольга и её спутник не торопятся за ними, сделал знак своим подождать, вернулся к девушке.

– Ты... вы меня не помните? Я Одинцов...

– Помню, – отозвалась она озабоченным тоном. – Мы познакомились в доме вашего дяди.

– Николая Пахомыча. Потом вы пропали...

– А вот этого я не помню.

– Не мог же я это выдумать? Пришлось вызывать своих оперов. – Максим оглянулся на терпеливо ожидавшегося Брызгалова. – Он может подтвердить.

– Я тоже, – проговорил грузин.

Максим посмотрел на него.

– Вы... тоже... в деле?

– Он мой начальник, – сказала Ольга тем же тоном. – Подполковник Мзилакаури.

– Ничего не понимаю! Как мы все здесь оказались?!

– Этот вопрос могла бы задать и я.

– Чертовщина! – Максим посмотрел на грузина.

Ольга с силой потёрла лоб.

– Такое впечатление, что я не могу вспомнить...

– У меня точно такое же впечатление. Мы искали охотников... и, кажется, нашли.

Все трое посмотрели на с шумом удалявшуюся компанию во главе с генералом.

– Чертовщина! – повторил Максим.

– Вахтанг Ираклиевич, – сказала Ольга. – Вы-то почему здесь?

– Я отправился вслед за вами, – проговорил подполковник с видом человека, пытающегося проснуться. – Вы исчезли, и меня послали в Синдор.

– Я исчезла?!

– Подтверждаю, – кивнул Максим, с трудом возвращаясь к действительности после безуспешной попытки напрячь память. – Вы ушли в лес и не вернулись... а я, по-моему, вас начал искать. Странно, не помню точно, хотя никогда не страдал амнезией. Но случилось это уже после пропажи охотников... по-моему.

– Удивительно, но и у меня провал в памяти, – криво усмехнулся Мзилакаури. – Впрочем, коль никто не пропал, то моя миссия закончилась успешно. Как нам выбраться отсюда?

Максим посмотрел на свинцовое небо, на лес.

– Если учесть слабый просветик в облаках – солнце находится там, – он указал рукой, – значит, север – в той стороне, а нам надо на восток, правее, выйдем к узкоколейке и по ней доберёмся до хутора.

– Спасибо.

– Идёмте с нами.

– Хотелось бы кое-что... – Мзилакаури кинул взгляд на Ольгу, – уточнить, посоветоваться. Идите, мы вас догоним.

– Заблудитесь, тут кругом одни болота.

– Если двинемся на восток, выйдем к узкоколейке, так?

Максим понял, что сотрудники ФСБ хотят остаться вдвоём, посмотрел на Ольгу, не проявлявшую никакой инициативы.

– Я вам позвоню, – очнулась она.

Он хотел напомнить, что, во-первых, они уже были на «ты», а во-вторых, аккумуляторы мобильных телефонов давно сели, но не стал.

– Как знаете. Мы будем на хуторе. – Максим повернулся к ним спиной, отошёл к отряду Брызгалова.

Дождь заметно поредел, небо начало проясняться.

Становилось парко.

Где-то в паре километров от поляны родился нарастающий гул, и через минуту над лесом мелькнул силуэт вертолѐта.

– Быстро они дошли, – пробормотал Савелий.

– Это другой вертолѐт, – мрачно возразил Жарницкий. – Военный, зелёный.

– Чѐрт, я становлюсь забывчивым.

– Не льсти себе, у тебя уже давно склероз.

– Командир, я ни хрена не понимаю! – вполголоса заговорил Брызгалов. – Ты нас вызвал искать девчонку, потом пропал сам... насколько помнится... что происходит? Девчонка нашлась, охотники тоже... почему мы оказались вместе с ними?

Максим молчал.

– Пропадали звери, – тихо заметил не потерявший хладнокровия Володя Есипчук. – Потом началась кутерьма с охотниками.

– Когда началась?

– Мы прибыли сюда тридцатого июня.

– А сегодня какое?

Максим посмотрел на часы.

– Если верить электронике, сегодня третье июля.

– И где мы бродили три дня?

Бойцы группы переглянулись.

– Лягни меня комар копытом! – глубокомысленно сказал Савелий. – Может, здесь какая-то аномальная зона?

– А что? Может быть, – поскрѐб в затылке Жарницкий. – Звери пропадали? Пропадали. Охотники куда-то загульбенили? Сколько их искали всем миром? Полиции нагнали отовсюду.

– Вон они пошли.

– Так это уже когда случилось? Их несколько дней искали.

– А мы с ними как в одном месте очутились?

Жарницкий сплюнул, потрогал щетину на скуле пальцем.

– А вот это уже не по моей части, напарник, пусть бугры маракуют.

– Ну и что ты маракуешь, бугор? – осведомился Брызгалов.

– Разберѐмся, – ответил Максим, вовсе не уверенный в своём заявлении. – Идѐм на хутор, поговорим с Пахомычем.

– Этих бы надо подождать, – кивнул капитан на бредущую к лесу пару.

– Сами доберутся, не маленькие. Потопали.

Максим углубился в лес, не оглядываясь, зная, что группа последует за ним, не отстанет, приученная ходить по-фронтальному, как разведка на войне.

В голове царил сумбур, рождённый отсутствием здравого объяснения всем странным происшествиям. Предположение Жени Жарницкого об аномальной зоне имело смысл, однако не могло пролить свет на главные несуразности ситуации: где все были трое суток и почему оказались вместе с пропавшими за несколько дней до этого охотниками. Да ещё и с представителями «конторы», приехавшими в Синдор разбираться с исчезновением крупных животных.

Вышли к узкой нитке железной дороги, когда-то соединявшей село Синдор с хутором и колонией для преступников, запрятанной в лесной глуши. Сориентировались, почувствовав облегчение и некий душевный подъѐм. Ощущение у всех было одинаковое: будто они не ели пару дней и мотались по лесу до упаду. Что, кстати, подтверждали и заросшие щетиной лица.

Дождь пошёл сильнее, размыв далѐкие извивы пейзажа и скрыв шелестом капель по листьям деревьев все звуки. Под ногами чавкало.

– Эх, в баньку бы сейчас! – крикнул Евгений. – Да с пивком! Да, командир?

– Будет тебе банька, – буркнул Брызгалов.

– Будет и свисток, – хихикнул Савелий.

За мостиком через дорогу показались ржавые паровозные будки, приспособленные кем-то под гаражи и сарайчики.

Какая-то мысль зудящей мухой промчалась через голову, заставив Максима остановиться. Показалось, он помнит это место, связанное каким-то образом с исчезновением Ольги. И появлением... кого? Кто тут был, кроме майорши из «конторы»? Почему его образ никак не всплывает в памяти? Да и был ли он вообще?..

– Эй, Николаич, – окликнул его Брызгалов, – ты чего?

Максим молча догнал группу. Провалы в памяти начинали доставать, а объяснить их он не мог ничем.

На окраине хутора начали попадаться люди, местные жители в прозрачных накидках и полицейские в плащах. Проехал военный вездеход. На группу обратили внимание, но подходить к ней не решились ни местные, ни сотрудники полиции.

Показались военные палатки за хутором слева, возле которых царило оживление: там встречали вернувшихся охотников. Судя по количеству машин у палаток и толпе в плащах, к Синдору стянули чуть ли не батальон стражей порядка и армейские подразделения. Шум от пропажи целой охотничьей команды во главе с генералом поднялся немалый.

Максим оглянулся.

Но из-за дождя не было видно, идут ли за ними следом Ольга и её спутник. Если бы не бдительность Брызгалова, он, наверное, вернулся бы и встретил чекистов, но не хотелось объяснять капитану, почему он так печётся о служащих из родственной структуры, вот останавливаться Максим и не стал.

Лесник был дома.

Разглядев в снях родича, вымокшего до нитки, он всплеснул руками:

– Мать честная! Вот уж кого не чаял увидеть! Где ж ты шатался всё это время?!

– Шатался, – скривил губы майор. – Морошку искал.

– Морошку? Её под конец июля надо искать. Ох, что же это я, старый пень, не о том базлаю! Проходи, Максимушка, проходи, сейчас переодёжку сухую поищу.

– Я не один.

– С хлопцами Юлия Антоновича? – догадался Пахомыч.

– Ты их знаешь? – поднял брови Максим.

– Так ведь они сначала ко мне пришли, когда ты заблудился, пошли искать тебя все вместе. Потом этот грузин в лесу повстречался.

– Мзилакаури, подполковник.

– Вроде он, фамилию не выговоришь без ста граммов.

– А после?

– Да ничего после, я в лес перестал ходить, полицаи там по кустам шныряют, всё зацепить норовят. А вы вот сами пришли, слава богу. Зови своих пацанов, что стоишь? Сегодня третьё, Мефодий, а по приметам, если на Мефодия дождь силён, прольёт сорок дён. Отсюда окромя как по железке и не выедешь.

Максим вышел из дома, приглашающе махнул рукой.

Брызгалов открыл калитку, и оперативники, такие же мокрые, как и он сам, проследовали в хату лесника.

Пахомыч и его жена Евгения Евграфовна принялись хлопотать вокруг гостей, с которых на пол в снях стекли лужицы воды, и вскоре все пятеро разместились вокруг стола в горнице, одетые в сухое. Не всем досталась одёжка по размеру, однако не ворчали, понимая, что у хозяев не склад и не мануфактурный магазин.

Евгения Евграфовна расстаралась, вынесла всё, что у неё было из съестных припасов, и гости набросились на домашние соленья, грибы, жареную картошку и наспех приготовленные блинчики.

Савелий заикнулся было о пиве, но Брызгалов так на него посмотрел, что лейтенант ступевался, уткнулся виновато в тарелку и на предложение Пахомыча отведать медовухи ответил отказом:

– Прости, отец, пошутил я, мы в тверёзости воспитаны.

После обеда собрались на веранде, обращённой не к улочке хутора, а к лесу.

Пахомыч хотел оставить гостей одних, понимая, что им надо посоветоваться, но Максим его остановил:

– Погоди, дядь Коль, разговор есть.

Старик вернулся, набрасывая на плечи ватную безрукавку; дождь не прекращался, и на улице похолодало.

– Может, ещё чаю поставить? Я в киоск за баранками сбегаю.

– Мы скоро уедем, не до чаю. Скажи, пожалуйста, что тут происходило, пока мы... отсутствовали?

– Суета суёт, как говорится, – пожал плечами лесник. – Полицаи мельтешили, по пять раз на дню заглядывали, всё расспрашивали, видел я кого али нет.

– А ты видел?

– Кого ж я увижу, сидючи дома?

– А до того, как пропали охотники?

Пахомыч поскрёб макушку.

– Так ить я тебе рассказывал. Честно, вроде никого и не видел. Медведиха пропала с медвежатами, лоси тож, я потому тебе и позвонил. Но боле ничего особенного не случилось, если не считать этот мышиный переполох. – Лесник кивнул на лес.

Максим поймал взгляд Брызгалова, говорящий: не белены же мы тут объелись?

– Странное дело, дядь Коль. Что-то произошло, иначе охотники не исчезли бы на несколько дней, однако никто ничего не помнит. Никто из нас не понимает, как мы оказались в компании с генералом.

– Как мы их нашли – пусто! – постучал себя по лбу пальцем Брызгалов. – Чертовщина какая-то!

– Да и фиг с ним, – простодушно сказал Пахомыч. – Главное, все живы-здоровы, только, – он улыбнулся, – оголодали маленько.

В доме родился шум.

Пахомыч встрепенулся, шагнул в дверь веранды.

Ему навстречу вышла Евгения Евграфовна:

– Там милиция чего-то спрашивает.

– Какая ещё милиция? Милиция давно почила в бозе.

– Трое их.

Кто-то легонько отодвинул женщину, на веранду вышел низкорослый мужчина в зелёном плаще и фуражке полицейского, у него были узкие губы, водянистые глаза и серебристый ёжик волос, показавшийся, когда он снял фуражку.

– Опаньки! – с весёлым удивлением сказал Савелий.

– Капитан Посвитлый, – пробормотал Брызгалов.

Начальник Сыктывкарского отряда полиции особого назначения оглядел сидящих вокруг стола оперативников Максима, перевёл взгляд на него.

– Мне сказали, что вы встретили генерала Охлина в лесу. Не подскажите, где именно? И как вы нашли пропавших?

С плаща и сапог полицейского стекли на пол веранды лужи воды, но он этого не замечал, требовательно глядя на майора. Зато заметил Савелий.

– Мог бы и ноги вытереть, и плащ снять в сених, любезный, – пробурчал он.

Гость перекатил глаза на него, посмотрел на пол, однако не отреагировал. Вряд ли он когда-либо задумывался о таких простых вещах.

Максим вспомнил встречу с бойцами капитана в горнице Пахомыча и с ним самим. Ни особым умом, ни вежливостью, ни наличием уважения к местным жителям этот носитель демократических свобод не отличался. У него всегда была одна мысль, как у Удава из мультфильма, и он её думал.

– Что говорит сам генерал? – поинтересовался Брызгалов.

– Они заплутали, обходили болото.

– От нас что требуется?

– Хотелось бы проверить, где вы с ними повстречались.

– Проверить?

Глаза капитана остались равнодушно-осоловелыми.

– Мне писать рапорт, я должен доложить, что произошло.

Максим покосился на Юлиа Антоновича.

– Мы тоже обходили болото, только с другой стороны, и встретились.

– Но мы обыскали лес вплоть до Синдорского озера, в том числе с вертолётов. Мы бы вас увидели.

– Не увидели же, – усмехнулся Брызгалов.

Посвитлый пожевал губами.

– Мне бы хотелось получить объяснения.

– В здешних местах расположена аномальная зона, – серьёзно сказал Максим. – В ближайшее время мы намерены провести исследования. Ещё вопросы есть?

Посвитлый ушёл в задумчивость, пребывая в непривычном для себя состоянии просителя. Он дважды сталкивался с представителями московских силовых ведомств – с Максимом и Брызгаловым, и воспоминания об этом душевного спокойствия ему не добавляли.

– Могу я задать несколько вопросов леснику? – сказал он наконец.

Максим посмотрел на Пахомыча.

– Вряд ли он знает больше, чем мы.

– Да уж, – сокрушённо развёл руками Николай Пахомович. – Что знал, уже рассказал.

– Тогда разрешите откланяться. – Посвитлый потоптался на месте, решая в уме какую-то сложную задачу, и вышел.

– Чёрт косолапый! – проворчал Пахомыч. – Натоптал грязи. Хорошо, что я его башибузуков остановил, пришлось бы валандаться с уборкой. Графовна, вытри за ним.

Евгения Евграфовна принесла тряпку, вытерла лужи и следы от сапог капитана.

– В общем, история тёмная, – закончил совещание Брызгалов. – Не одному этому полицейскому придётся придумывать версию случившегося.

Максим думал о том же. И чем больше думал, тем странней казалась ситуация, несмотря на благополучное завершение поисков отряда охотников и майора ФСБ Ольги Валишевой. Интересно, мелькнула мысль, как она сама оценивает происшедшее? Ей ведь тоже придётся писать рапорт начальству. Не навестить ли? Времени прошло достаточно, должна была вернуться к родственникам.

– Посидите полчаса, а лучше собирайтесь, скоро начнём двигаться, я сейчас.

Он вышел в сени, накинул на себя дождевик Пахомыча, перешёл улицу и постучал в дверь дома напротив, где остановилась Ольга.

Дверь открыла женщина средних лет, закутанная в кашемировый платок.

– Здравствуйте, – сказал Максим, – Ольга пришла? Я соседа вашего племянник.

– Да, я вас видела, – улыбнулась женщина, – вернулась она, счастье-то какое! Сейчас позову. А то вы заходите, чего под дождём стоять.

– Я в сенях подожду.

Женщина, жена соседа Пахомыча, убежала, и через минуту в сени вышла Ольга, переодетая в домашний халатик. Халат был не по её размеру, но удивительным образом подчёркивал естественную женственность девушки.

Максиму показалось, он уже видел её нагой, но мысль мелькнула и ушла, застыдившаяся.

– Я знала, что вы придёте, – сказала Ольга ровным голосом.

Снова показалось, что он слышал от неё другие слова, произнесенные другим тоном – тёплым, если не сказать – нежным. Подумал: странные шутки выкидывает память!

– Нас ждут невесёлые хлопоты.

– Доклады? – догадалась она.

– А вопросов осталась масса. Такое впечатление, будто мы все одновременно проспали где-то сутки-двое, пока не встретились на краю болота. Может, здесь и в самом деле аномальная зона, как предположил мой зам?

– Вам-то что за дело? Вы в отпуске. Это мне писать рапорт и честно признаваться в отсутствии результата.

– Мне тоже придётся писать, дело серьёзнее, чем я думал, да и ребят своих вызвал сюда незаконно.

– Зайдёте? – сделала она движение к двери из сеней в хату.

– Там небось твой... ваш полковник сидит.

– И что? Он хороший мужик.

– Мне почему-то всё время хочется говорить с тобой на «ты», – признался Максим. – Ведь так и было? Или мне кажется?

Ольга склонила голову к плечу.

– Если кажется – креститься надо. Но я тоже... помню. Давай попробуем на «ты»... не при посторонних.

– Понял, согласен. Мобилу подзарядила? Номер не поменялся?

– Будем созваниваться. Мы через пару часов двинемся в посёлок, оттуда в Москву, начальство требует.

– Мы уже уходим. Попробуем экспроприировать транспорт у полиции. Может, рванёте с нами?

– Нет, мы сами.

– Как знаете, тогда до встречи в Москве.

Ольга сунула руку.

Максим осторожно сжал её, с трудом удержавшись, чтобы не поцеловать пальцы. Рука у девушки была холодная и не по-женски сильная.

Он вернулся в дом Пахомыча.

Через полчаса группа переоделась в не успевшую толком просохнуть родную одежду и выбралась на улицу, поблагодарив хозяев за гостеприимство.

Дождь кончился, в облаках наметились просветы.

Максим хотел попросить у военных, ставших лагерем у хутора, какой-нибудь вездеход, однако им неожиданно повезло: генерал Охлин, подобревший после благополучного возвращения «с охоты», успевший принять на грудь бутылку коньяку и насытиться, пригласил их на борт вертолёта.

– Долетим до Сыктывкара, майор, а там уже сами доберётесь до столицы, – пророкотал он, красный и потный после трапезы. – Как говорится, долг платежом красен. Как-никак вы тоже приложили усилия к поискам.

Максим сказал только одно слово: «Спасибо!» Он не принимал участия в поисках команды генерала, но был согласен с тем, что усилий на поиски было потрачено немало.

Через два часа они были в Сыктывкаре.

Москва. Управление экологической безопасности ФСБ.

4 июля, 9 часов утра

Порог кабинета начальника Управления Ольга впервые переступила с беспокойством и чувством собственной несостоятельности. И причиной этих ощущений была не только командировка в Синдорские леса, закончившаяся безрезультатно. Она была уверена, что события в конце июня, сопровождавшиеся странным исчезновением группы охотников вслед за исчезновением животных, а затем не менее странным возвращением пропавших, таят в себе столь необычные глубины, что по спине струился холодок. А память молчала!

В кабинете начальника, кроме самого Конева, находились несколько человек: его заместитель полковник Лапин Виктор Андреевич, начальник информационно-аналитического отдела Фельцман Оскар Нариманович, как всегда одетый безукоризненно, и сухолицый, с большими залысинами и огромным лбом полковник Спицын, командир «особого звена» из Управления внешних коммуникаций. Ольга с ним ещё не имела дела, но знала полковника по отзывам сотрудников УВК, с которыми была знакома.

Спицын был одет в серый костюм без галстука и выглядел рядовым сотрудником конструкторского бюро. Но стоило глянуть на его выдающийся лоб и встретить взгляд карих, умных, тёмных, пронизательных глаз, в которых горел огонёк настороженного внимания, и становилось ясно, что это человек мощного интеллекта.

На столе у Конева стояла картонная коробка без всяких наклеек. Крышка коробки была поднята, но она была повернута к генералу, и что в ней находится, Ольга не увидела.

– Садитесь, майор, – сказал Конев неприветливо.

Ольга села за Т-образный стол напротив Лапина и Спицына, рядом с Фельцманом.

Мужчины молча смотрели на неё. В их молчании крылась некая подозрительная заинтересованность, отчего у девушки тревожно защемило сердце. Атмосфера в кабинете начальника Управления ей не нравилась.

– Ольга Викторовна, расскажите всё, что вы знаете о происшествии в Синдорском лесу, – попросил Лапин.

– Я уже написала в донесении всё, что знала, – ответила она.

– И всё-таки расскажите, в подробностях, – пробурчал Конев. – С момента появления на хуторе Синдор.

Ольга собрала волю в кулак, помолчала, собираясь с мыслями, и начала рассказывать о своих приключениях в лесах вокруг хутора Синдор вплоть до встречи с внезапно нашедшимися охотниками.

Рассказ длился сорок минут, и после него в кабинете наступила тишина. Опытные руководители подразделений ФСБ переваривали услышанное, не спеша высказывать своё отношение к этой истории.

– Расспросите Вахтанга Ираклиевича, – добавила Ольга после паузы. – Возможно, он дополнит рассказ деталями.

– Он уже дополнил, – сказал Конев. – В целом ваши истории идентичны, хотя вы оба чего-то не договариваете.

– Простите? – подняла брови Ольга. – Что вы имеете в виду?

– Есть нестыковки, – сказал Лапин, сочувственно глядя на девушку. – То вы исчезаете, то появляетесь, то Вахтанг вас находит, то теряет.

Ольга сжала губы.

– Не понимаю, о чём вы говорите, товарищ полковник.

– Почему вы не сообщаете о встречах с неизвестными людьми?

– Если вы имеете в виду сотрудников подразделения Главного разведуправления, то я о них писала.

- С ними мы ещё разберёмся. Я имею в виду человека с фотоаппаратом.
Ольга непонимающе взглянула на Лапина.
Спицын впился в её лицо посветлевшими глазами.
- Человека с фотоаппаратом? – повторила она. – Не понимаю, о ком вы.
- Подполковник Мзилакаури утверждает, что он видел человека с фотоаппаратом, ну или с видеокамерой иностранного производства.
- Значит, так оно и было. Но я никакого фотографа не видела и с ним не контактировала. Факт пропажи зверей в лесу подтверждён местными жителями, в том числе егерем.
- Которого так и не нашли, – меланхолично заметил Фельцман.
- Ни от кого из местных жителей я не слышала о встречах с незнакомыми людьми, – закончила Ольга.
- Оскар Нариманович? – глянул Конев на главного аналитика Управления.
- По нашим данным, животные перестали исчезать, – сказал Фельцман с прежней меланхолией. – И в Китае, и в Америке, и в наших заповедниках. Но факт исчезновения зафиксирован и требует объяснений.
- Что скажете? – повернулся Конев к Ольге.
- Я не знаю, почему и куда они исчезали, – сухо ответила она. – Пропажи были, я пыталась установить причину, но потом началась кутерьма с исчезновением охотников и генерала Охлина...
- Они утверждают, что никуда не пропадали, – заметил Лапин. – Да, заблудились, долго выходили из болот, но вышли.
- Не это главное, – сказал Конев. – С исчезновением крупногабаритного зверья нам ещё придётся разбираться. Подполковник Мзилакаури единственный, кто видел незнакомца и даже общался с ним.
- Общался?
- В каком-то смысле. Фотограф, или кто он там на самом деле, повёл себя странно, и Вахтанг Ираклиевич отобрал у него фотоаппарат. Или, скорее, видеокамеру.
- Ольга недоверчиво наморщила лоб.
- Не может быть! Мне он ничего не сказал.
- Конев посмотрел на Спицына.
- Вумен вулт ступер¹, Богдан Никандрович.
- Покажите, нам нужна истина.
- Подойдите. – Конев подвинул коробку на край стола.
- Ольга встала, подошла ближе.
- В коробке лежало необычной формы устройство, похожее на трёхствольную видеокамеру, со множеством чешуй и рёбер. На одном из её окуляров мигала фиолетовая искорка.
- Что это?
- Та самая видеокамера.
- Никогда раньше не видела! – И уже сказав это, Ольга почувствовала шевельнувшееся в душе воспоминание. Ощущение дежа-вю тут же прошло, однако не могло отменить самого факта.
- Ольга протянула руку, но сидевший справа полковник Спицын подтянул коробку к себе.
- Руками лучше не трогать.
- Как она к вам попала?
- После того как замолчал полковник Мзилакаури, в Синдор был направлен старший лейтенант Зайцев, – сказал Конев. – Он обнаружил эту штуку у лесника.
- У лесника?! – не сдержала удивления Ольга. – У Николая Пахомовича? А у него она откуда?

¹ Перефразировка латинского выражения: *vulgus vult stupere* – толпа хочет быть ошеломлённой, *women* – женщина (англ.).

– Вахтанг Ираклиевич утверждает, что не помнит, как и когда он передал камеру леснику. Но судя по тому, что Зайцев её нашёл, Мзилакаури это сделал.

– Провал в памяти, – хмыкнул Лапин. – Странно, не правда ли, Ольга Викторовна?

– Ничего не понимаю! Что говорит лесник?

– Да ничего особенного, то же самое, что и вы: не помню. Прямо удивительное единодушие, эпидемия забывчивости. Вы отсутствовали три дня. Где вы были?

– Я уже говорила...

– Майор, голубушка, – наклонился к Ольге Спицын, – вы, очевидно, недопонимаете ситуацию. Эта вещь, – он кивнул на коробку, – сделана не на Земле. Представляете масштаб происшествия в Синдорском лесу? Мы вошли в контакт с инопланетянами, и... никто ничего не помнит! А разводите базар, не хотите сказать правду.

Ольга вспыхнула, лицо её пошло красными пятнами.

– Полковник, следите за... словами! Ещё никто не посмел упрекнуть меня в сокрытии правды! Я говорю всё, что знаю! Могу повторить то же самое на детекторе.

– Вот и повторите.

– Богдан Никандрович, помягче, пожалуйста, – сказал Лапин. – У вас нет никаких оснований не верить майору.

– Давайте по делу, – стукнул о стол карандашом Конев. – Контакт не контакт, но что-то произошло, эта камера действительно сделана не в России, да и не в других странах, судя по внешнему осмотру. Она будет передана в лабораторию Рубина. Майор, вы не хотите что-нибудь добавить к рапорту?

– Не хочу, – отрезала Ольга. – Поговорите с полковником Мзилакаури.

– У него... гм, гм... гипертонический криз, он в клинике. Вас же я попросил бы не покидать Москвы в ближайшее время, пока не вскроются дополнительные обстоятельства дела. От работы вы временно отстранены. Полковник Спицын прав, масштаб случившегося позволяет вывести дело за рамки нашего ведомства. Все материалы по делу пропажи животных будут засекречены. Если раньше мы собирали косвенные доказательства присутствия на Земле инопланетян, то эта видеочамера – прямое доказательство.

Ольга встала.

– Надо понимать, я под арестом?

Мужчины переглянулись.

– Под домашним, – с колебанием сказал генерал. – Вспомните что-нибудь ещё, позвоните мне или Виктору Андреевичу.

– Лучше мне, – сказал Спицын, не теряя сосредоточенного вида.

Ольга вышла из кабинета.

В голове царил пустота, пробиваемая, как пулей, одной мыслью: Вахтанга допрашивали на детекторе! Вахтанга допрашивали... отсюда его криз.

Мысль сменилась другой: откуда в Синдорском лесу инопланетяне и что они там делали?

Она вышла на улицу. Мысли побежали одна за другой.

Почему Мзилакаури не сообщил ей о видеочамере до приезда в Москву? Каким образом лейтенанту Зайцеву удалось установить, что видеочамера у Пахомыча? Как дела у Максима Одинцова? Как отреагировало его начальство на события в Синдоре?

Последняя мысль заставила её взяться за айфон.

Однако, сев в свою лиловую «БМВ Х-6», она передумала: сам позвонит... если заинтересован во встрече.

Что за её машиной следует серый «Фольксваген», она не заметила.

Доха, Катар

5 июля, 13 часов 10 минут

Над входом в отель «Пармезан» висел герб Катара: две сабли, внутри яхта и остров с пальмами. Яхт Максим ещё не видел, пальмы присутствовали, но спасти от жары ни местное население, ни гостей не могли. Температура воздуха в этот день в Дохе приближалась к сорока шести градусам по Цельсию, поэтому сам воздух казался горячим желе, с трудом проникающим в лёгкие.

Катар вообще считался страной пустынь, солончаков, эловых песков и гор, занимая Катарский полуостров в северо-восточной части Аравийского полуострова. Граничил он только с Саудовской Аравией на юге, омываясь на востоке водами Персидского залива.

Из усвоенной за короткое время истории Катара Максим знал, что государство изначально входило в состав Арабского халифата, потом в эмираты Бахрейна, потом им правили португальцы и турки, и лишь с середины двадцатого века оно стало независимым от Османской империи образованием.

Политическое устройство Катара можно было назвать абсолютной монархией. Правил им в настоящее время эмир Даххам бин Наххун аль-Халифа. В стране работал Консультативный совет – Меджлис аш-Шура, но он не решал важнейшие проблемы внутренней и внешней политики государства. Здесь действовали законы личного, а точнее, кланового владычества, и слово эмира имело больший вес, нежели решения совета.

Большую часть населения страны составляли арабы-катарцы, но проживали здесь и пакистанцы, и иранцы, и индусы, привыкшие к постоянной жаре и сухости воздуха.

Максим, одетый в белый европейский костюм, как полагается не слишком богатому гостю из Великобритании, расплатился с таксистом, доставившим «туриста» из аэропорта в Доху, и вошёл в холл гостиницы, окунаясь в озерцо прохлады и тишины.

У стойки администратора толпились говорливые немцы, одетые кто во что горазд, в основном – пожилые пары и старые девы, вид которых мог отбить у любого мужика желание смотреть на женщин. Они собирались на экскурсию.

Максим одарил белозубой улыбкой девушку в синей униформе, подал паспорт, сказал по-английски:

– Добрый день, мисс, посмотрите, пожалуйста, номер забронирован.

Девушка-администратор ответила не менее роскошной улыбкой:

– Да, сэр, минуточку. Гарри Буджолд?

– Совершенно верно.

– Вам забронирован номер триста шесть. Заполняйте анкету.

Максим заполнил, получил ключи.

– Лифт направо, вас проводят. Ваш багаж, сэр?

– О, только этот портфель, – показал он саквояжик со сменой белья и личными принадлежностями. – Люблю путешествовать налегке.

– Приятного отдыха.

Метис-латиноамериканец в тёмно-фиолетовом костюме и шапочке-феске проводил его до номера, получил монету в полсотни местных центов – геймов, и Максим прошёл в номер, довольно скромный по любым оценкам, однако чистенький и уютный.

Огляделся, вышел на балкон.

Гостиница стояла на окраине Дохи, ближе к заливу, и с одной стороны была видна гладь залива, с другой – каменные джунгли города с редкими пятнами зелени.

– Большое дерево², – пробормотал Максим саркастически, возвращаясь в прохладу номера.

Зазвонил мобильный.

– Слушаю, – поднёс он к уху невесомую пластину айфона.

² Доха в переводе с катарского – большое дерево.

– Мы на месте, сэр, – доложил Брызгалов. – Изменения?

– По плану, – сказал Максим, выключая телефон.

План предусматривал устройство группы в Дохе на постой и сбор в порту в три часа дня по местному времени. Предполагалось обсудить полученный от наблюдателей пакет оперативной информации. А послали их сюда после возвращения Максима из Синдора для того, чтобы вытащить из Дохи – и из страны – российского бизнесмена, обвинённого властями в продаже оружия «сепаратистам».

История конфликта уходила корнями в две тысячи одиннадцатый год, когда в ноябре в аэропорту Дохи таможенники и полицейские попытались просветить рентгеном, а потом и отобрать диппочту, которую перевозил посол России. Позиция властей была проста: Россия не поддержала решение Европарламента по Сирии, и эмира и его окружение это взбесило, он-то как раз был за военную операцию против Сирии. А поскольку такую же позицию занимал высший патрон Катара – Соединённые Штаты, власти Катара решили, что могут позволить себе всё.

Послу в тот день досталось крепко, но диппочту он отстоял.

Инцидентом в аэропорту дело не закончилось.

В конце лета две тысячи двенадцатого года в Дохе задержали спортсменов России, приехавших для участия в автопробеге, обвинив их в контрабанде наркотиков.

Россия последовательно отстаивала своё мнение в ООН о недопустимости вооружённого вмешательства в дела Сирии и Ирана, о необходимости мирного урегулирования конфликтов, и это активно не нравилось военной верхушке США, науськивавшей своих «шавок» по всему миру на граждан России.

И наконец, Катар организовал с подачи ЦРУ захват «русского террориста», продававшего оружие повстанцам – сепаратистам шиитского толка. Которых не существовало в Катаре в принципе. Разумеется, дело было шито белыми нитками, но на заявления МИД России власти Катара не ответили и собирались передать «террориста» Михаила Сивоконя в руки правосудия США.

Максим бросил взгляд на часы: ровно в два часа он должен был связаться с посольством России в Дохе, но время на водные процедуры ещё было.

Он залез под душ, с наслаждением искупался, вспоминая события, происшедшие после внезапной встречи с охотниками генерала Охлина в Синдорском лесу.

Добрались до Сыктывкара быстро, а так как Сидорин требовал прибыть в Москву всей группе срочно, пересели в военный транспортник, попросив местное отделение военной контрразведки посодействовать им в доставке, и вечером третьего июля высадились на военном аэродроме в Жуковском, откуда потом добрались в столицу на джипчике «Патриот».

В среду четвёртого июля Максим быстро вымылся в душе на съёмной квартире, где он останавливался во время вызовов в столицу, и в десять часов уже докладывал полковнику Сидорину о своём возвращении.

Нагоняя не последовало вопреки ожиданиям. Непосредственный начальник Одинцова, командир отряда спецназа ГРУ, был занят своими делами и уже забыл, что просил майора докладывать о положении дел в Синдоре.

– Синдорский лес? – рассеянно спросил он, когда майор доложил ему о своём рейде в Синдор. – Ты же собирался на моря.

– Позвонил дядя по отцовской линии, брат отца, он там лесничим promышляет, попросил помочь с поиском пропавших животных, ну я и поехал к нему. Брызгалова с собой взял, кое-кого из ребят.

– Ну и что, нашли зверей?

– Там ещё охотники пропали, группа из Сыктывкара во главе с генералом Охлиным. Я докладывал. Но в конце концов всё закончилось хорошо.

– Нашлись, и ладно. Ты вовремя вернулся. Есть задание – навестить Катар, срочно. Где парней оставил?

– Они, как обычно, у своих родичей квартируют.

– Собирай группу, изучай местность, обычаи, маршрут проложен, все формальности улажены, план операции разработан. Вылет ночью.

– Что надо делать? – спросил Максим, преодолевая желание отказаться от задания (что было невозможно), но, с другой стороны, радуясь, что полковник не стал требовать официального отчёта о действиях спецгруппы Одинцова в Синдорском лесу.

– Надо вытащить нашего парня, – ответил Сидорин, глядя в глубину объёмного монитора на столе. – Местные шьют ему дело о контрабанде оружия, хотя всё намного сложнее, и если катарцы отдадут его америкосам, парня мы потеряем.

– Он разведчик?

– Как тебе сказать... коммивояжёр... криптосотрудник «Росвооружений», доставляющий кое-какое... скажем так, оборудование симпатичным нам парням в разных регионах мира.

– Понял. ЦРУ ест хлеб не зря, если вышло на него. Кстати, один такой парнишка уже сидит в США – по фамилии Бут.

– Вот поэтому и нужно, чтобы второй туда не попал. Он слишком много знает. Учти дополнительно: Доха нашпигована сотрудниками американских спецслужб, а после уничтожения Яндарбиева тем более там сложно работать.

– Учту.

– И последнее: нам давно плюют в лицо американцы, но если начинают плевать в лицо «шавки» вроде катарцев, их надо останавливать жестко.

Так Максим Одинцов, майор ГРУ, командир подразделения «Кресс» особой группы «активного оперирования», оказался в Дохе, столице Катара, спустя всего сутки после возвращения из Сыктывкара.

Выходя из гостиницы, он привычно проверил, не следит ли кто за «туристом-англичанином», сел в такси на территории отеля, напомнившее московское «жёлтое», с большим пузырём на крыше, и за полчаса доехал до порта в Дохе.

Порт его не поразил ни обилием яхт и кораблей, ни величиной причалов, ни красотой морского вокзала, ни наличием военных катеров на рейде. Разве что портовый маяк здесь больше походил на минарет, чем на техническое сооружение.

Кинув взгляд на белоснежный красавец-лайнер «Анна-Мария», застывший у одного из причалов, Максим поспешил в бар «Аш-Шар», ближайший к порту из всех заведений подобного типа, если не считать баров и ресторанов в здании морского вокзала.

Команда была в сборе.

Брызгалов, сохранивший синдорскую небритость и напоминавший Джейсона Стэтэма, походил на завсегдатая немецких пабов и одет был соответствующим образом – в демократические джинсы и безрукавку.

Лейтенант Тарануха не отстал от него по части «пивного» имиджа, хотя одет был в серые штаны и мятую серую рубашку-апаш; он «косил» под бельгийца.

Старший лейтенант Жарницкий, прекрасно владевший девятью языками, в том числе арабским, сидел в отдалении, в белом бурнусе. У него была накладная борода и усы. В Дохе он представился жителем Саудовской Аравии Жюнусом Саидбейли.

Старший лейтенант Есипчук тоже сидел за столиком по соседству, делая вид, что он занятый делом клерк; перед ним был раскрыт новенький ноутбук.

Удивить ноутом или ридером в нынешние времена нельзя было даже папуасов Новой Гвинеи, поэтому на «клерка» посетители бара с любопытством не глядели.

И наконец, присоединившийся к группе Одинцова специалист по Катару Петро Кондырин, капитан, бритый наголо, с большой серьгой в ухе, обстоятельный и медлительный с виду, играл русского туриста, точнее, украинского, одетый в рубашку-вышиванку с украинским орнаментом и штаны «а-ля станичник» из гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Он тоже, как и Брызгалов, пил пиво и рассматривал красочный рекламный буклет с видами Катара.

Максим подсел к нему, спросил по-английски:

– Разрешите?

– А? – выкатил на него воловьи глаза «хохол» Кондырин.

– Раша? – улыбнулся Максим.

– Не-а, Украина, – сказал капитан. – Инглиз?

– Йес, англичанин, – кивнул Максим, за несколько секунд успев просчитать посетителей бара и определить, что он не забит под завязку сотрудниками эмирской контрразведки Mubahith.

– Пива хошь?

– Оф коз.

Капитан подозвал официанта.

– Пива моему другу инглизу, такого же.

Официант, понимавший русскую речь, принёс кружку тёмного местного пива под названием «Narkoto».

Максим оценил это название по-русски, усмехнулся, но от пива не отказался.

– Гуд бир!

– А як же, – философски ответил Кондырин. – Думаю, из песка варят. План остаётся прежним, без изменений?

– Пока без. – Максим поднял кружку. – Камрад!

Пиво было так себе, но следовало поддерживать непринуждённость, и он его похвалил:

– Хорошее, действительно почти как наш английский эль, простоявший на жаре пару месяцев.

– Когда начнём? – продолжил деловой разговор Кондырин, не склонный к пустопорожней болтовне.

Остальные бойцы группы прислушивались к нему краем уха, но делали вид, что заняты своими заботами.

– Мне позвонят.

Максим снова поднял кружку.

Группа «Кресс» должна была завершить операцию, начавшуюся давно, ещё месяц назад. Её основные этапы уже были закончены, определено местонахождение пленника, условия содержания в тюрьме, а главное – время и место передачи «русского террориста» в руки сотрудников ЦРУ, которые собирались вывезти его в США. Все необходимые меры для перехвата пленника были предприняты, и оперативникам Максима оставалось «самое простое» – закончить начатое другими сотрудниками спецподразделений ГРУ.

Он пересел к Брызгалову.

Небритый «немец» приветствовал его по-немецки, они стукнулись кружками.

– Выход?

Максим бросил взгляд на часы.

– Через сорок минут, если ничего не изменится. Переходим «на ухо».

Он имел в виду радиосвязь. У всех бойцов группы имелись рации, замаскированные под серьги или нашейные кресты, работающие на расстоянии до пяти километров, и с этого момента группа прекращала переговоры между своими по мобильным телефонам.

Был известен точный маршрут перевозки задержанного из тюрьмы «Аль-Бида» в аэропорт Дохи – по улице Аль-Кар-ниш, мимо штаб-квартиры Qatar Petroleum и Центра международной гуманитарной помощи, где, собственно, и сидели главные разведчики и манипуляторы ЦРУ. Предполагалось, что кортеж из трёх машин остановится у здания Центра МГП, в здании которого располагался офис телеканала Эль-Джихара, Сивоконя покажут всему миру, расскажут о его «тёмном прошлом» и только после этого повезут в аэропорт. Группа Максима должна была захватить Михаила в здании и переправить к месту, недоступному силам безопасности Катара.

– Удобней было бы перехватить его в нефтяном концерне, – сказал Брызгалов.

– Если бы его хотели показать в офисе концерна, мы бы так и сделали, – иронически заметил Максим. – Но его повезут в Эль-Джихару. Где нам, кстати, надо будет обойтись без стрельбы.

– Разве у нас нет плана «Б», когда без стрельбы прорваться невозможно? Помнишь, как хотели убрать чеченских боевиков Доку Умарова? Тихо и незаметно. А пришлось взрывать.

Максим кивнул. Глубоко законспирированную команду ликвидаторов из состава так называемой «берлинской группы», уничтожившую террористов, принимавших участие в подрыве аэропорта Домодедово и других терактах, он знал лично. А туркам парней, взорвавших киллеров Умарова, сдали коллеги-американцы, отчего у Максима давно сформировался счёт к этим уродам в человеческом обличье, признающим только волчьи законы бизнеса.

– Мы не имеем права шуметь.

– Да разве я против? Утрём нос америкосам! Если бы не катарская нефть, они бы здесь не ошивались. Есть анекдот в тему: американские геологи в ходе разведки недр обнаружили над залежами своей нефти какую-то арабскую страну.

Максим улыбнулся.

– Это можно сказать про любую страну мира, Катар не исключение.

Зазвонил телефон.

– На связи, – поднёс трубку к уху Максим.

– Посылка отправлена, – сказал ему неизвестный работник российского посольства.

Максим спрятал телефон, встал.

– Начали.

Снаружи было душно и жарко, несмотря на то, что бар стоял в окружении чешуйчатых пальм.

Подъехал белый фургон «Мерседес» с надписью на борту: «Gumanus centre» и красивой эмблемой – земной шар, поддерживаемый ладонями.

Максим сел рядом с водителем.

Из бара один за другим вышли бойцы группы, ловко забрались в фургон.

– Поехали, – сказал Максим по-английски.

Водитель-араб в бурнуса молча тронул автомобиль с места.

С площади напротив морского вокзала выбрались на главную улицу Дохи, проехали изумительной красоты гигантскую искусственную раковину со светящейся изнутри жемчужиной, потом современные здания – стрелы и геометрические строительные шедевры катарской столицы – пирамидальной и готико-фрактальной формы, из металла и зеркального стекла.

Машина подъехала к зеркальному куполу Центра гуманитарной помощи, из которого вырастал ребристый букет из трёх башен, расходящихся в стороны, как лепестки тюльпана.

Максим вышел.

Дверь фургона открылась, из него вывалила толпа бойцов группы, переодетых в работников европейского телеагентства. На груди каждого красовался бейдж с фотографией и фамилией, на каждом были бейсболки с логотипом ЕТА и одинаковые костюмы: бело-красные курточки и шорты.

Кондырин, уже не «хохол», но с бородкой, нёс телекамеру.

В руках Брызгалова была чёрная сумка ТВ.

Остальные несли штативы, микрофоны на длинных, телескопически раздвигающихся штангах и ещё одну телекамеру. Они тоже переоделись, кроме Жеки Жарницкого, продолжавшего играть местного жителя.

Не обращая внимания на полицейских в серой форме, охранявших здание, группа начала устраиваться напротив центрального входа, делая вид, что готовится к съёмке.

Из здания вышел офицер, к нему тотчас же подсунулся «араб» Жарницкий, показал удостоверение офицера службы безопасности Катара, объяснил ситуацию.

Полицейский понаблюдал за действиями «телевизионщиков из Европы», скрылся в здании.

Появился кортеж из трёх джипов «Мерседес» чёрного цвета.

– Приготовились! – приказал Максим.

Джипы остановились у входа в Центр плотной колонной.

К ним бросились «тележурналисты», наставив телекамеры и вытянув микрофоны на штангах.

Их попытались оттеснить полицейские, но безуспешно.

Из первого и третьего джипов вылезли смуглолицые, бородатые фидаины – охранники центральной тюрьмы в серой форме и особых головных уборах с платками, прикрывающими сзади шею. Они окружили третий джип, из которого вслед за охранником выбрался пленник – «русский террорист» в синей тюремной робе. Он был бледен и небрит, скован наручниками, и по сторонам не смотрел.

– Скажите, вы действительно невиновны? – крикнул один из тележурналистов – Савелий Тарануха – на английском языке.

Пленник не ответил, по-прежнему не обращая внимания на суету вокруг.

Максим понял, что его накачали наркотиками, после чего он скажет настоящим тележурналистам канала Эль-Джихара всё, что нужно американцам. Участвовать в заранее срепетированном спектакле означало сработать на руку парням из ЦРУ, и Максим принял решение действовать по самому жёсткому варианту.

– «Форсаж»! – объявил он. – Поехали!

Мгновенно всё преобразилось.

Сопровождавших «русского террориста» Михаила Сивоконя охранников насчитывалось пятеро. Кроме того, из Центра вышли три полицейских офицера, а из среднего джипа вылезли два господина в блестящих костюмах, блестящих в прямом смысле слова: американские служащие носили в жарких странах костюмы из особой ткани, отражавшей тепловые лучи, а заодно и свет. Это были сотрудники ЦРУ, отвечавшие за передачу пленника.

Всего вместе с полицейскими, охранявшими периметр Центра гуманитарной помощи, набралось тринадцать человек, вооружённых весьма серьёзно. И всех их надо было нейтрализовать, не применяя огнестрельного оружия! Но бойцы Максима были специально тренированы для боя в обстоятельствах тотального превосходства противника в живой силе, а уверенные в своём превосходстве и недоступности американцы и их коллеги не ждали нападения. Поэтому началось то, что потом с содроганием вспоминали все свидетели случившегося и что можно было поместить в любые учебники по диверсионным операциям.

«Тележурналисты» превратились в струи движения, используя свои рабочие инструменты – микрофоны, штанги, камеры – в качестве своеобразных нунчаков.

Первыми легли на асфальт у входа в здание Центра бородатые тюремщики.

За ними последовали полицейские, охраняющие подходы к зданию.

Брызгалов схватился с офицером, неожиданно проявившим сноровку спецназовца, и Кондырину пришлось ему помогать: он швырнул микрофон, попал в голову офицера, отвлек его, и капитан мощным ударом отправил араба в нокаут.

Максим начал своё движение, когда пришли в себя цэрэушники, потянувшись к оружию, прятавшемуся у них под пиджаками в наплечных кобурах.

Первый агент, белобрысый и плотный, не оказал сопротивления, получив два удара – в локоть и в шею.

Второй, смуглый, черноволосый, жилистый, не то араб, не то иранец, оказался хорошим бойцом, и с ним пришлось «рубиться» на пределе возможностей, тем более что он успел выхватить пистолет – новейший MAP-2000³ американского производства. Даже получив удары по мышцам предплечий, парализовавшие руки, он сумел продержаться около пятнадцати секунд, ушёл от «танцующего облака» – удара, приводящего к ослеплению, попытался выстрелить, но палец Максима наконец нашёл его сонную артерию, и агент обмяк, растекаясь по асфальту «лужей отсутствия выбора Пути».

Активная фаза операции длилась всего двадцать семь секунд.

Только после того, как все защитники пленного «террориста» оказались на земле, опомнились водители джипов. Их успокоили Жарницкий, Тарануха и Володя Есипчук.

Кондырин и Брызгалов подхватили застывшего в прострации пленника и втиснули в фургон, на котором приехали.

Жарницкий проколол шины джипов.

Максим вскочил на переднее сиденье фургона, и водитель, не проронивший ни слова, погнал машину прочь от здания Центра гуманитарной помощи, оставив замерших в шоке немногочисленных свидетелей «боевого шоу» и кучу неподвижных тел.

Выбежавшие из здания охранники увидели лишь мелькнувший зад автомобиля.

Начавшаяся метушня полицейских дала беглецам фору в несколько минут.

Возможно, полицейские и объявили в эфир о нападении, а также о перехвате фургона «Humanus centre», но было уже поздно. За городом, возле завода по опреснению морской воды, беглецов ждал вертолёт «Bell-430» с работающим двигателем.

Уже через девять минут после нападения на тюремный кортеж группа «тележурналистов» была в воздухе.

Удача сопутствовала крессовцам и дальше.

Над Персидским заливом, когда капитаны катарских катеров береговой охраны только только получили приказ сбить вертолёт с беглецами, группа вместе с пленником прыгнула в воду, успев за короткое время переодеться в водолазные костюмы. Самое трудное при этом было натянуть костюм на пассажира, так и не пришедшего в себя, несмотря на сделанный ему укол допамина, повышающий тонус организма.

Когда они нырнули в воду вместе с пилотом и начали загружаться на борт подводной лодки для спецопераций, вертолёт нашла одна из ракет, выпущенная пограничным катером. Точнее, такова была официальная версия службы безопасности, озвученная каналом Эль-Джихара. На самом деле он был уничтожен с помощью американского взрывного устройства на базе пластита, и от него не осталось ровным счётом ничего.

Поиски тел напавших и беглеца, длившиеся трое суток, результата не дали. Глубина Персидского залива в этом месте достигала двухсот пятидесяти метров, а дно его было покрыто толстым слоем ила, способным поглотить вертолёт целиком.

Через двое суток команда Максима выгрузилась в Калининграде под покровом ночи, передала спасённого в руки военспецов Министерства обороны и отправилась в Москву.

³ MAP – Military and Police, фирмы SW.

Москва

6 июля, 19 часов 2 минуты

Сидорин был доволен больше всех.

После торжественной речи в квартире Максима, длившейся без малого десять минут, он, находясь в отличном расположении духа, допил коньяк и пообещал всех представить к правительственным наградам. Полковнику было чему радоваться, так как операция по перехвату Михаила Сивоконя прошла без сучка и задоринки, а катарские спецслужбы до сих пор искали похитителей и ломали головы, кто совершил похищение и почему не оставил ни одного следа.

– Отойдём-ка, – позвал он Максима на кухню.

– Уезжаете? – спросил Максим, довольный не меньше полковника.

– Да, у меня ещё деловая встреча. Тут вот что, майор, пока тебя не было, мы получили бумагу из «конторы», предлагающую тебе явиться к ним в Управление экологической безопасности.

– С какого бодуна?

– Хотят с тобой поговорить о синдорских событиях.

Максим вспомнил, что Ольга Валишева работает в упомянутом Управлении.

– Да я ничего особенного не припомню.

– Отказать мы им не имеем права, ты там был, да ещё и не один, так что придётся навещать коллег.

– Ладно, навещу.

– Во что ты там ввязался, только честно?

– Ни во что! – Максим клятвенно прижал ладонь к груди. – Искали охотников, а началось всё со звонка дяди, Николая Пахомовича, он работает в Синдоре лесником. Начали пропадать звери, медведи и лоси, он мне и позвонил. Я приехал, думал отдохнуть, а тут генерал прилетел со своими архаровцами, хотел поохотиться, хотя в июле охота запрещена. Группа пропала, Ольга приехала...

– Какая Ольга?

– Майор из этого самого Управления, там тоже заинтересовались пропажей зверей. В общем, заварилась каша, но закончилось всё хорошо, нашлись и охотники, и...

– Звери?

– Нет, звери действительно исчезли. Есть там какая-то загадка.

Сидорин почесал затылок, разглядывая лицо Максима, пожал ему руку, направился к двери:

– Расскажешь потом поподробней.

Ушёл.

Максим вернулся в гостиную, вычёркивая из памяти разговор, поднял бокал шампанского:

– За вас! За ваш профессионализм, холодные головы и горячие руки!

Бойцы захохотали.

– Почему руки, командир? – поинтересовался Савелий. – Раньше говорили – сердца.

– А сердца у вас из нержавеющей стали, – сказал тихий не улыбающийся Володя Есипчук. – Горячие бывают только у влюблённых и, реже, у женатиков. А кто из вас влюблён? Или женат?

– Ну, ты загнул, – покачал бритой головой Кондырин. – При чём тут жена или подруга? Я был женат дважды, ну и что? Я что, от этого стал хуже?

– Я не это имел в виду.

– А что?

– Руки мыли?

– Да ну его, – отмахнулся захмелевший Жарницкий. – У него, как всегда, с юмором напряжёнка. Главное, мы их сделали, этих уродов! И так будет с каждым!

– С кем? – съехидничал Савелий.

– С врагами!

– Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, где патроны дешевле, – шутливо провозгласил Савелий.

Все снова засмеялись. А Максим подумал, что парни из его группы действительно не имеют семей. К великому сожалению, работа отнимала у них не только свободное время, но и саму возможность быть счастливыми, отдых в семейном кругу, тех, с кем можно было бы поделиться своими проблемами и невзгодами. Вот и его жена ушла, не в силах терпеть внезапные исчезновения мужа и долгие командировки.

Хотя, с другой стороны, повода он не давал, Люся просто его разлюбила.

Пришла мысль позвонить Ольге.

Однако его опередили. Едва он, выйдя в спальню, взялся за телефон, тот зазвонил сам. Не глянув на номер, Максим поднёс айфон к уху.

– Слушаю.

– Где хаур? – раздался в трубке тягучий басовитый голос.

– Что? – растерялся на мгновение Максим. – Какой хаур? Кто говорит?

– Вы забрали хаур, он у вас, верните.

– Да о чём речь, разрази меня гром?! Что за хаур? Кто вы?

– Верните хаур, мы позвоним завтра. – Неизвестный абонент отключил линию.

Максим посмотрел на дисплей: на зелёном поле чернела надпись «Номер не определён».

В спальню заглянул весёлый Брызгалов.

– Ты чего уединился? Звонишь кому-то?

– Хотел позвонить Ольге...

– Майорше из «конторы»?

– А позвонили мне, спросили – где хаур.

– Что?

– Сам ничего не понимаю. Какой-то гундос попросил вернуть хаур, который мы якобы у них забрали.

– У кого?

– Да не знаю! – с досадой отмахнулся Максим. – Он отключил связь, пообещал позвонить завтра.

– Номер телефона записался?

– В том-то и дело, что не записался, есть такая опция у определённых аппаратов.

– Спецура?

– Может быть.

– Хаур... хаур... не помню такого слова в лексиконе катарцев, не арабское оно.

– При чём тут катарцы?

– Тебе сказали – мы забрали хаур, а где мы были? В Дохе. Может, хаур – это пленник по-арабски? Пойду спрошу у Жеки. – Брызгалов вышел.

Из гостиной долетел взрыв смеха.

Максим присел на край кровати, силясь разгадать заданную загадку, но в голове стоял призрачный туман хмеля, рождённый бокалом шампанского, и думать ни о чём серьёзном не хотелось. Откуда-то из бездн сознания всплыла мысль: может, хаур – это вообще из другой оперы? И связан он не с Катаром, а с синдорским рейдом? И обозначает он некий найденный в синдорских лесах артефакт? Но тогда возникает масса вопросов: кто нашёл, что это за артефакт, почему спрашивающий уверен в том, что он у Максима? А главное, откуда он знает номер его мобильного?

Вошёл раскрасневшийся Брызгалов.

– Не, Жека не знает, говорит, надо в словарь заглянуть. Но слово странное, не наше, гавкающее какое-то. И у меня складывается впечатление, будто я его когда-то слышал.

– У меня такое же, – пробормотал Максим, тщетно пытаюсь вспомнить термин. – Ладно, иди к ребятам, я сейчас.

Он набрал номер телефона Ольги.

Звонки шли долго. Наконец в трубке раздался её голос:

– Алё, Максим?

– Он, – сказал Максим. – Меня не было в России, позвонить не мог, вернулся и звоню.

– Я так и поняла. Как дела? Вас начальство не пытало?

– По поводу?

– В связи с событиями в Синдоре.

– Нет, всё тихо.

– А меня посадили под домашний арест, отстранили от работы.

– Тебя под арест?! – не поверил он. – За что?

– Знала бы – ответила. Вахтанг вообще слёг, как мне сообщили.

– Этот ваш полковник-грузин? Что за беда с ним приключилась? На вид здоровый был.

– Вот и я о том.

– На что намекаешь? Что вообще у вас творится, отчего такая истерика?

– Мне показали один аппарат... – Ольга помолчала. – Напоминает видеокамеру, очень странную. Её привёз из Синдора один наш сотрудник.

– Так что?

– А забрал он эту камеру у твоего дяди.

– У Пахомыча? – удивился Максим. – Не может быть! Он мне ни слова не сказал.

– Ты не мог забыть про это в суматохе?

– Обижает, майор, на память не жаловался. Если бы он мне... – Его вдруг осенило. – Чёрт побери, вот, наверно, о чём шла речь!

– Что, вспомнил?

– Тут другое. Мне только что звонил какой-то тип и потребовал вернуть хаур.

– Хаур? Это что?

– Вот я и подумал, что хаур – та самая видеокамера. Кто её привёз?

– Саша Зайцев, старлей из Управления. Лапин, это зам. начальника Управления, утверждает, что Зайцева послали в Синдор после того, как замолчал Вахтанг. Зайцев добрался до хутора, встретил лесника. А у того лежала камера, чья – твой дядя не помнит. Ну, Зайцев и забрал её в Москву.

– Бред! Пахомыч должен был сообщить об этом мне.

– А если он тоже ничего не помнит, как и мы?

Максим задумался, озадаченный известием.

– Знаешь что, давай встретимся, поговорим.

– Не забывай, я под арестом.

– Тогда я к тебе заеду, диктуй адрес.

– Тебя не пустят, мне даже еду привозят наши церберы.

– Посмотрим, диктуй.

– Карамышевская набережная, дом шестьдесят, квартира сорок девять. Учти, дом охраняется, стоит за оградой, надо на калитке нажать кнопку и сказать, в какую квартиру идёшь.

– Разберусь, жди через час.

Максим вернулся в гостиную, в которой царил веселье: оперативники слушали анекдоты Савелия.

– Слушай мою команду!

Смех стих. Лица присутствующих обратились к хозяину.

– Продолжайте в том же духе. Мне надо отлучиться на пару часов. Кто захочет остаться – милости прошу.

– Не, командир, мы так не договаривались, – возразил Савелий. – Отдыхать – так вместе, что мы без тебя делать будем? Может, нас с собой возьмёшь? Если предвидится напряг?

– Напряга не предвидится. – Максим вспомнил жалобу Ольги на то, что её стерегут. – Хотя... почему бы и нет? Какое-никакое, а развлечение. У меня встреча на Карамышевке, ненадолго, могу взять кого-нибудь с собой.

– Почему кого-нибудь? Мы все поедem, да, мужики?

Мужики согласно закивали головами.

– Ладно, буду в долгу. Кто у нас самый трезвый?

Все дружно посмотрели на Есипчука, сыгравшего араба, сотрудника спецслужб Катара; он вообще не употреблял алкоголя.

– Сто рублей, – сказал он интеллигентно.

Раздался хохот.

– Каждому! – вскричал Савелий, дурачась.

– Идёт, – сказал Максим. – На чьей машине поедem?

– У Антоныча самая большая.

– Да без проблем, – пожал плечами Брызгалов, предпочитавший ездить на джипе «Лэнд ровер».

Весёлая, но не очень шумная компания вывалила во двор дома, расселась в джипе капитана. На заднем сиденье устроились трое: Брызгалов, Савелий и Жарницкий, Кондырин не уместился.

– Останешься за хозяина, – отдал ему ключ от квартиры Максим. – Будем к ночи.

Стемнело, на город легла прохлада, потоки машин на улицах Москвы поредели, поэтому от Речного вокзала, в районе которого жил Максим, до Карамышевской набережной доехали почти без затруднений, как в добрые старые брежневские времена.

Машина проехала мимо церкви, свернула к дому номер шестьдесят, остановилась у решётчатых ворот.

Максим вышел, нажал на столбике у калитки кнопку домофона.

– Слушаю вас, – ответил мужской голос.

– В сорок девятую гость, – сказал Максим.

– В сорок девятую? – Повисла пауза. – Хозяина нет дома.

– Не может быть, я недавно разговаривал с хозяйкой, она ждёт. Моя фамилия Одинцов, спросите.

На этот раз пауза длилась дольше.

– Простите, сегодня вы не сможете попасть в квартиру.

– Не понял, что значит – не смогу? По какой причине? Вы меня не впустите? Даже с разрешения хозяйки?

– У нас предписание...

– Какое предписание, от кого? Что вы мне лапшу на уши вешаете! Откройте, я покажу свои документы.

Охранники не отвечали больше минуты. Раздосадованный Максим хотел было связаться с Ольгой, чтобы она поговорила с охраной дома, но замок на калитке клацнул, и голос из домофона предложил:

– Проходите, но машину пропустить не можем.

Максим толкнул узорчатую металлическую калитку, сказал высунувшему голову в окно джипа Брызгалову:

– Ждите здесь, я позвоню, если что.

Он прошёлся по плиточной дорожке до центрального подъезда дома, дверь раздвинулась, повинувшись сигналу датчика.

В небольшом холле с выходами на две половины дома, пол которого был выстлан мраморными с виду плитами, с диванчика встал плотный мужчина в сером костюме. У него было квадратное лицо, выдающиеся скулы, нос боксёра и колючие глазки-буравчики.

– Вы кто?

Максим покосился на открывшееся слева окошко комнаты охраны.

– А вы?

– Служба безопасности. Документы есть?

– А у вас?

Квадратнолицый оглядел фигуру майора.

– Господин хороший...

– Точно так же могу сказать и я. Покажите документ, служба безопасности.

Квадратнолицый пожевал губами, достал красную книжицу с гербом и надписью «Федеральная служба безопасности России».

– Капитан Сюткин.

– Майор Одинцов. Ещё вопросы?

– Вы к Валишевой?

– Совершенно верно, мы с ней договаривались о встрече.

– К ней нельзя.

– Это ещё почему?

– Она... занята.

– Дорогой мой капитан Сюткин, я с ней разговаривал полчаса назад, она меня ждёт. Позвони и услышишь. И не морщи ты лоб, а то я решу, что ты думаешь.

Квадратнолицый сжал губы в полосу.

– Попросил бы вас...

– Ой, не смей меня. Может, я что-то перепутал, и это не обыкновенный жилой дом, а тюрьма? Так и скажи, а я доложу кому следует.

– Гражданин, я вам русским языком...

– Могу перейти на английский, немецкий, испанский, итальянский, греческий, турецкий. Дай пройти, не надувай щёки, я знаю обязанности надзорного. А не пропустишь, я подниму такой шум в прессе, что твоё начальство год будет отмываться! Рискнёшь?

– Да кто ты такой, чёрт возьми? – прошипел квадратнолицый, боднув лбом воздух. – Хочешь неприятностей? Будут! Я сейчас позвоню...

– А давай, звони, – спокойно согласился Максим. – Только твои приедут не раньше чем через час, а мои уже здесь. Можем посоревноваться. Или подождём журналистов? У меня есть пара знакомых ребят.

Агент, осуществлявший надзор за Ольгой, позеленел, глянул сквозь стеклянную дверь центрального входа на джип у ворот, выдохнул сквозь стиснутые зубы:

– Проходи... но я тебе обещаю...

– Ох, не надо ничего обещать, – поморщился Максим, – со мной свяжешься – хлопот не оберёшься.

Он повернулся к охраннику в белой рубашке с погончиками, выглядывающему из окошка.

– На каком этаже сорок девятая?

– На восьмом справа.

– Спасибо. – Максим кивнул и направился по правому коридору к лифту.

Дом был новый, и никаких совместных перегородок, какие сооружают жильцы соседних квартир в старых домах, здесь не было.

Ольга открыла дверь своей квартиры, как только Максим потянулся к кнопке звонка. По-видимому, она ждала его, наблюдая за коридором в дверной глазок.

– Тебя всё-таки пропустили.

Максим окинул девушку, одетую в домашний сарафанчик, восхищённым взглядом: она была так исключительно мила и женственна, что кровь прилиwała к щекам.

– Отлично выглядишь!

– Не трать время на комплименты, – нахмурилась она, сразу устанавливая дистанцию, в голосе прозвучали грозные начальственные нотки. Он вспомнил, как девушка поначалу вела себя в Синдоре, и внутренне улыбнулся: майор, однако.

– Хорошо, не буду.

– Проходи.

Она провела его в гостиную, разделённую как бы на две части. Правая половина представляла собой нечто вроде библиотеки и столовой одновременно: очень красивые книжные полки поднимались под потолок, по центру стоял стол и шесть стульев вокруг него. В левой половине гостиной располагались роскошный диван буквой «Г», стеклянный журнальный столик, кресло и метровой длины телемонитор на стеклянной подставке.

– Садись, – пригласила девушка, указывая на кресло. – Кофе будешь?

– Чай, если можно. Извини, я выпил бокал шампанского, поэтому такой шумный.

– Был повод?

– А какой смысл пить без повода? Мы послужили Отчеству, нас поблагодарили, обещали награды, так что повод был.

– Приехал на такси или на своей?

– На такси не езжу.

– Неужели сам сидел за рулём, после шампанского?

– Нет, а что?

– Когда я вижу инспектора ДПС, возникает ощущение, что я нарушаю правила, даже если я их не нарушаю.

– Это комплекс «чайника».

– Ты думаешь? – Ольга вышла и вскоре вкатила в гостиную тележку с кофейным и чайным приборами. – Возможно, ты прав, хотя я вожу машину уже лет пятнадцать. Удивительно, что тебя пропустили ко мне. Или внизу никого нет?

– Сидит какой-то тип с квадратной физиономией. Но я был убедителен.

– Надеюсь, не до мордобития?

– А что, можно было обойтись без этого? – прищурился Максим.

– В Синдорском лесу ты был убедителен как мастер боя.

– Нет, здесь этого не потребовалось.

– Это чёрный чай, вот зелёный, бери конфеты. Можем перейти к делу. Кто тебе звонил?

– Не знаю, номер не определился. Спрашивали о хауре, а я связал эту штуку с твоей видеокамерой.

– Почему?

– Больно разительны совпадения. Вообще поход в Синдорские леса-болота оставил много неясного. У меня сложилось впечатление, будто мы пережили какое-то приключение, однако напрочь забыли об этом. Я вообще не понимаю, как мы оказались в компании с пропавшими охотниками. А ты?

– Я тоже. Моё начальство не поверило, что я не помню.

– Меня вызывают твои коллеги, пришло уведомление из твоего Управления. Завтра пойду. А что ты знаешь о хауре?

– Мне показывали странную видеокамеру, не уверена, что это хаур, но со мной беседовал Спицын...

– Кто это?

– Начальник отдела, занимающегося исследованием НЛЮ, аномальных явлений и прочих странностей, так вот он утверждает, что мы контактировали, – Ольга усмехнулась, – с инопланетянами. Отсюда и все предосторожности, и мой арест, и гипертонический криз Вахтанга. Так что готовься к очень серьёзному допросу.

– Надеюсь, не третьей степени, с кровопусканием? – пошутил Максим.

– Весёлого здесь мало, – отрезала Ольга. – Никаких детекторов лжи не будет, но вымотают всю душу основательно.

– Ничего, отобьёмся, – беспечно махнул рукой Максим. – Я не человек с улицы, нашу контору обидеть сложно. Но этот хаур меня почему-то сильно волнует. Откуда он объявился у Пахомыча? Почему Пахомыч не помнит?

– Позвони ему.

Максим отставил чашку с чаем, сказал с удивлением:

– Слушай, а ведь и в самом деле можно позвонить. Вдруг дядя вспомнит какие-нибудь детали? Кстати, у меня иногда срабатывает ложное чувство забытой вещи.

– Дежа-вю.

– Что-то вроде этого, свербит в голове как сверчок. Мне начинает казаться, что в лесах под хутором мы что-то искали, кого-то встречали, но память молчит как партизан.

– У меня точно такое же чувство.

– Попробуем разобраться?

– Как?

– Съездим на хутор в свободное время, поговорим с Пахомычем, с местными, да и с генералом Охлиным не мешало бы повстречаться. Возможно, и вспомнится что-нибудь. А что твой грузин говорит?

– Вахтанг всю дорогу до Москвы молчал. Это вам повезло, что вас подобрал Охлин, а мы добирались до Москвы сутки. Но он тоже чувствует себя не в своей тарелке. Дежа-вю мучает и его.

– Что у него со здоровьем?

– Никогда не жаловался, классный оперативник, умный, дальновидный, бывший чемпион округа по стрельбе из пистолета с обеих рук. Не знаю, что с ним случилось, а на звонки он не отвечает.

– Может, это после допроса?

Ольга поморщилась.

– Не думаю. Его не в гестапо допрашивали.

– Расскажи о видеокамере.

– Очень необычной формы, три «дюзы» окуляров, странная рукоять – явно не под человеческую ладонь.

– А под чью?

– Мне так показалось, не под человеческую, а скорее под лапу с когтями. Недаром Спицын так возбудился.

Максим скептически покачал головой.

– Ты так об этом серьёзно рассуждаешь, будто сама в это веришь.

– Если бы не видела собственными глазами, реагировала бы, наверное, так же. Пей чай, остынет. Печенье попробуй, с орехами и изюмом, очень вкусное.

Максим послушно взял печенье, обмакнул в чай, пожевал, запил чаем.

– Давно не ел галет, но это действительно вкусное.

– Ты всегда печенье в чай макаешь?

– Да нет, спонтанно получилось. Кстати, где-то я читал, что один австралийский ученый рассчитал оптимальный способ макания печенья в чай. Разные виды печенья намокают с раз-

ной скоростью, и ему пришлось перепробовать сотни видов, после чего он вывел формулу, применив уравнение Вашбурна для капиллярного потока в пористом материале.

Ольга фыркнула.

– Идиотизм! Зачем это ему понадобилось?

– Для самоутверждения, наверное.

Ольга нагнулась к столику, в вырез сарафана выглянула её совершенной формы грудь.

Максим задержал на ней взгляд. Снова показалось, будто он уже видел эту красоту, хотя и в иной обстановке.

Девушка заметила его взгляд, села прямее.

– Майор, не отвлекайся. Мы попали в сложное положение, надо что-то делать. Есть мысли?

Он допил чай, хмелея от близости с той, которая нравилась ему всё больше.

– С утра позвоню Пахомычу. Выслушаю предложение мужика, требующего хаур, попробую встретиться с ним. Схожу в твоё Управление, побеседую со спецами, посмотрю видеокamerу.

– Если разрешат. Только не говори, что это я рассказала про камеру.

– Можешь не беспокоиться. Потом поеду в Синдор. Не хочешь присоединиться?

– Хочу, но меня не отпустят.

– Попробую уговорить твоё суровое начальство. Если им нужен результат, а не досужие вымыслы, они перестанут мучиться дурью с арестами.

– Ты словно в другом мире живёшь, – с неожиданной грустью сказала Ольга, – где торжествует справедливость и люди доверяют друг другу. Человечество изменилось, майор, причём изменилось в худшую сторону, и я ему даже сочувствовать не желаю. Моя подруга как-то заявила после того, как муж бросил её: все люди чем-то похожи, особенно тем, что я их всех ненавижу.

Максим усмехнулся.

– Ну, это она в расстройстве была. Хотя Оскар Уайльд тоже признавался в своё время, что чем больше он живёт среди людей, тем больше ему хочется жить среди зверей.

– Ты Уайльда читал? – недоверчиво шевельнула бровью Ольга.

– Не только, я Лондона люблю, О’Генри, Чехова, Лао Шэ, у меня хорошая библиотека, ещё отец собирал. Блока вообще считаю посвящённым в Истинное Знание. У одного поэта⁴ есть такие строки:

Милый мой, действительность не лечится —

это установлено давно.

Данный бред зовётся «человечество» —

и другого, знаешь, не дано.

– Поэт был точно не оптимистом.

– А кто из нас оптимист? Оптимисты давно вымерли, как динозавры, народ понял, что лучше не будет и надо жить реально, а ещё лучше – на халяву, беря от жизни всё.

Ольга покачала головой, не сводя с лица гостя изучающего взгляда.

Максим добавил с грустной улыбкой:

– Это, к сожалению, правда. Хотя меня поражает святая вера простых людей в торжество той самой справедливости. Ну пусть не сейчас, пусть не сегодня, но завтра – точно все будут жить справедливо! И ведь не поспоришь.

Ольга поднялась, укатила столик-тележку на кухню, вернулась.

⁴ Евгений Лукин.

– Позвонишь?

Максим с сожалением понял, что пора уходить, нехотя встал.

– Непременно.

Несколько мгновений они стояли близко друг от друга, не решаясь переступить разделявшую их черту ложных воспоминаний, потом он с улыбкой бросил к виску два пальца.

– Разрешите идти?

– Идите, – серьёзно ответила она.

Он вышел, не оглядываясь, спиной ощущая её взгляд, и только в коридоре за закрытой дверью дал волю воображению, мысленно поцеловав девушку в губы.

В холле дома никого не было, давешний квадратнолицый сторож Ольги исчез.

Поглощённый мечтаниями, Максим влез в джип, глянул на окна восьмого этажа, гадая, смотрит Ольга в окно или нет.

Оперативники, продолжавшие ёрническую перепалку, притихли.

– Чего молчишь, командир? – не выдержал молчания Брызгалов.

– По-моему, он влюбился, – предположил Савелий.

– Типун тебе на язык! – сплюнул Жарницкий.

– А что я такого сказал?

– С точки зрения биохимии состояние влюблённости сходно с маниакально-навязчивым неврозом. Иначе говоря, любовь – это тяжёлое нервное расстройство. Ты этого желаешь командиру?

Савелий прижал к губам ладонь.

– Я же не знал!

– Прекратить словоблудство! – проворчал Брызгалов. – Командир, у тебя всё в порядке? Максим очнулся.

– *Ratuit dea*⁵.

– Что?!

– Предлагаю добраться до моего убежища и выпить за любовь.

– Если Петро нам что-либо оставил, – хмыкнул Жарницкий.

– За любовь к кому-то конкретно или просто так? – осведомился Брызгалов.

– Любви просто так не бывает, – заметил Савелий. – Если просто так, то это секс.

Максим, улыбаясь, слушал трёп подчинённых, и у него было хорошо на душе. Не смущало даже предупреждение Ольги о допросе «с пристрастием». Главное, что она согласилась поехать с ним в Синдор, а это уже говорило о доверии и о том, что он ей не безразличен.

Сыктывкар,

Хозяйственное управление полиции

7 июля, 11 часов утра

Поскольку Геннадий Фофанович Охлин не без оснований считал себя бóльшим начальником, чем глава полиции Сыктывкара генерал Скорчак, ему показалось обидным, что его вызывают в Управление «дать показания по делу», как выразился зам по тылу полковник Нобелев. Несмотря на почти предельно допустимый срок выслуги – Охлину исполнилось пятьдесят четыре года, – он планировал пробыть на своём посту как минимум пять лет. Да и служил он не в спецназе и не в оперативном подразделении полиции, а возглавлял Хозяйственное управление, что давало ему огромную власть над людьми, основанием которой являлось материально-техническое снабжение всей губернии. Вот почему появилось чувство обиды: могли бы не вызывать в главк, а приехать к нему.

Вызов испортил настроение.

⁵ Найдена богиня (*лат.*).

Возвращение с охоты в Синдорских лесах не было триумфальным, лося команда не завалила, медведей не нашла, да ещё странным образом заблудилась в болотах, прошлявшись неизвестно где несколько суток, взбудоражив своим исчезновением всю полицию края, и размышлять на эту тему не хотелось. Тем более – отвечать на вопросы, поскольку охотничий сезон ещё не начался и по закону охотиться на крупного зверя было нельзя.

Громадный, выпуклый со всех сторон, похожий на чрезмерно располневшего борца Геннадий Фофанович бегло пробежал глазами перечень проблем в растворе компьютерного диска, которые он должен был решать лично, как глава Управления, и вызвал Еремеева.

Капитан заявился через пятнадцать минут. Он икал и то и дело морщился.

– Что случилось? – пророкотал Охлин, отрываясь от созерцания экрана. – Съел что-нибудь?

– Да привязалась лихоманка! – в сердцах ответил Еремеев, щуплый, худой, вихрастый, ещё раз икнул. – Извините... час уже мучаюсь!

– От икоты можно избавиться с помощью массажа прямой кишки.

– Спасибо, обойдусь, – бледно улыбнулся Еремеев. – Пройдёт. Да и как прямая кишка связана с лёгкими?

– Я читал где-то, что американцы предложили такой способ, а раз предложили, то наверняка проверили на ком-то. Однако к делу. Меня вызвали к главному, поедешь со мной.

– Я-то зачем нужен? – мотнул головой капитан.

– Вместе будем отдуваться за Синдор. Кстати, это была твоя идея лететь туда охотиться, так что думай, что говорить будешь.

– Мы летали... отдыхать.

– Правильно. Собирайся, через пятнадцать минут жду внизу.

Еремеев икнул, бросил на генерала виноватый взгляд, вышел.

Охлин позвонил жене, сообщил, что может задержаться на работе, потом оставил за себя полковника Нобелева и спустился во двор. Здание ХОЗУ располагалось на окраине Сыктывкара, на улице Катаева, а штаб-квартира полицейского Управления – на улице Советской, поэтому добираться иной раз приходилось по полтора часа, что бесило генерала. С другой стороны, удалённость хозяйственно-снабженческой службы от общего управленческого кабинета полиции позволяла чувствовать себя комфортно, и Охлин терпел, стараясь встречаться с главным как можно реже, по большей части только на совещаниях.

Чёрный «БМВ» Охлина просел на рессорах, когда генерал сел на заднее сиденье.

– Куда, Геннадий Фофанович? – подошёл к машине начальник охраны Сапегов.

– В штаб, – коротко ответил Охлин.

Охрана заняла места в джипе сопровождения. Личные телохранители генерала сержанты Петро и Вован (по фамилии их никто никогда не называл) разделили обязанности, и на переднее сиденье «БМВ» сел бритоголовый Петро. Вован устроился в джипе.

Появился Еремеев, сел рядом с Охлиным, имея кислый вид.

– Поехали, – буркнул Охлин.

Машина вырулила на улицу, практически свободную от общественного транспорта и грузовиков. По мере увеличения автопарка Сыктывкара росла и загруженность улиц города, и когда Катаева встала, Охлин добился от начальника ГИБДД города изменения порядка следования в районе ХОЗУ. Три улицы сделали односторонними, по четырём соседним установили режим движения, запрещающий въезд тяжёлому транспорту, поставили телекамеры, и жители улицы Катаева вздохнули с облегчением, не зная, что своему счастью с уменьшением потока автомобилей они обязаны Охлину. Который об их благополучии и не думал.

До Управления полиции края, располагавшегося в здании под номером шестьдесят три по улице Советской, доехали быстро, за полчаса с минутами.

Генерала и капитана, переставшего наконец икать, ждали в кабинете начальника полиции Сыктывкара на втором этаже незнакомые люди.

– Знакомьтесь, – сказал генерал Скорчак, благообразным морщинистым лицом и лысиной на полчерепа напоминавший архиерея. – Охлин Геннадий Фофанович. Э, а вы зачем здесь? – посмотрел он на Еремеева.

– Он со мной, – сказал Охлин угрюмо. – Мы вместе были... отдыхали в Синдоре.

– Пусть подождёт в приёмной.

– Пусть останется, – сказал один из мужчин в штатском, седоватый, с большим лбом.

– Хорошо, присаживайтесь.

Еремеев присел рядом с Охлиным на краешек стула.

– Спицын Богдан Никандрович, – представил первого гостя Скорчак. – Полковник из госбезопасности. И майор Ширянов Рифат... э-э...

– Гилямзянович, – приподнялся второй гость, сухощавый, смуглолицый, с жёсткими курчавыми волосами и чёрными глазами.

Охлин настороженно оглядел гостей из Москвы. Те в свою очередь изучали его, потом начали рассматривать Еремеева. Молчание затянулось.

– Что дальше? – нахмурился Геннадий Фофанович.

– Расскажите нам о своём... гм, гм... отдыхе в Синдорских лесах, – попросил Спицын вежливо.

– Я не должен ни перед кем отчитываться, – набычился Охлин.

– И всё же расскажите. Будет лучше, если мы узнаем от вас подробности этого мероприятия здесь. Или вы предпочитаете сделать это в Москве?

– Геннадий Фофанович, не ерепенся, – мрачно сказал начальник Управления. – Эти люди имеют право задавать вопросы.

– Я что, под следствием? – язвительно осведомился Охлин.

– Нет, но вполне можете стать подследственным, – тем же вежливым тоном пообещал Спицын, однако глаза его сверкнули предупреждением, и Охлин, потея, понял, что взял неверный тон.

– Я ничего противозаконного не совершал. В Синдорские леса я летал отдыхать.

– Мы не спрашиваем вас о ваших намерениях, расскажите о том, как и почему вы заблудились, почему и куда исчез ваш проводник егерь Степчук, а также пилот вертолёта, припомните, что видели. Короче, все детали вашего чудесного... гм... отдыха.

Охлин бросил взгляд на Еремеева.

– Вот он расскажет.

– Дойдёт очередь и до него.

Геннадий Фофанович пожевал губами, вытер потный лоб платком, посопел немного и принялся вспоминать полёт в Синдор.

Рассказ занял полчаса.

– Всё? – поинтересовался полковник из Москвы. – Ничего не упустили? Никого подозрительного не видели?

– Никого, – пробурчал Охлин. Перед глазами воскресла фигура майора Одинцова. – Хотя был там один подозрительный тип, назвался майором Одинцовым. Мы его с друзьями потом везли в Сыктывкар.

– С ними ещё девица была, – нервно вставил слово Еремеев. – Ольга. У них конфликт случился.

Приезжие переглянулись.

– Конфликт? С кем?

– С нашими парнями, Петро и Вова... сержантами охраны Сигалёвым и Глызиным.

– Поподробнее.

Капитан рассказал о стычке Одинцова с телохранителями генерала. По его словам вышло, что инициатором драки был Одинцов.

– Он вообще крутым себя ставил, – закончил Еремеев, – во всё вмешивался, права качал.

– А потом как вы оказались в одной компании с ним? – полюбопытствовал Спицын.

– Да хрен его знает! – с досадой рубанул воздух ладонью генерал. – Плутали по кочкам... болота обходили... реку перешли... а потом столкнулись с ними нос к носу. Их там было человек семь.

– Шесть вместе с девицей.

– Ну шесть.

Приезжие снова переглянулись.

– А Ольга?

– Что Ольга? Девица эта... костюм в обтяжку... с ними отправилась. Мы к вертолёту пошли, они ещё куда-то. Потом попросились лететь с нами, пришлось взять.

– Ладно, с ними всё понятно, а ещё кого-нибудь в лесу не встретили?

Оба чекиста из Москвы впились глазами в глаза генерала и капитана.

– Не помню, – после паузы, с неохотой признался Охлин.

– Лесника, – пробормотал Еремеев.

– Что лесник?

– Он вообще какой-то подозрительный мужик, мы его не один раз встречали, шастал по лесу как неприкаянный.

– Это его работа – шастать по лесу, – усмехнулся Спицын. – Всё, больше ничего не скажете? К леснику никто не приходил из незнакомых людей?

– Одинцов.

– Одинцов его племянник.

– Не видел, не знаю.

– А в руках у лесника не было видеокамеры, не помните?

Охлин и Еремеев посмотрели друг на друга.

– Ружьё видели... камеру вроде нет. Да и откуда она у него? По старинке человек живёт.

– С вами были ещё несколько человек.

– Кроме охранников, ещё двое, егерь и начальник Синдорского охотхозяйства Пуфельрод.

– Каким образом пропали егерь и пилот? Они всё время с вами были?

Еремеев занервничал, бросил взгляд на Охлина.

– Пилот остался у вертолёта, когда мы уходили, а егерь отстал... и больше мы его не видели.

– Его ищут, – сказал Скорчак, поглядывающий на экран компьютера. – Возможно, он утонул в болоте.

Черноволосый спутник Спицына скептически дёрнул уголком губ.

– Егерь? Знающий лес как свои пять пальцев? Утонул?

– Со всяким может случиться, – буркнул Охлин.

– Почему же вы не остались его искать?

– Этим занимаются специально обученные люди, – поспешил прийти на помощь Охлину Скорчак. – Два взвода полиции и отряд ОМОН. Собаки... то есть кинологи с собаками. Найдём.

– Хорошо, закончим на этом, – решил Спицын. – К вам вопросов больше нет. Но есть вопросы к вашим спутникам. Вызовите охранников, этих сержантов, мы поговорим с ними. Вы свободны, генерал.

Охлин побагровел, хотел ответить резкостью, но снова наткнулся на взгляд полковника ФСБ, в котором плавала ироническая усмешка пополам с угрозой, и проглотил отповедь.

– Помните что-нибудь существенное, позвоните, – добавил Спицын, подавая Охлину визитку.

Геннадий Фофанович не глядя сунул визитку в карман, выпростался из-за стола.

– А я? – растерялся Еремеев.

– Вы тоже свободны.

Хозяйственники вышли.

– Пустышка, – разочарованно сказал майор Ширянов.

– Вы не дали им систему отсчёта, – качнул головой начальник Управления. – Вот они и не поняли, что от них требуется.

– Существуют системы отсчёта, относительно которых едет любая крыша.

– Какие? – не понял Скорчак.

– Связанные с гостайной, – сказал Спицын задумчиво. – Мы имеем дело именно с такой системой. Все наши беседы – под гриф «секретно»!

– Конечно, я понимаю. Куда вы сейчас?

– Дождёмся охранников этого вашего хозяйственного босса, поговорим с ними, попьём кофейку и отправимся на хутор, в район поисков. Очень меня заинтересовал ваш лесник.

– Транспорт нужен?

– Не откажемся.

– Вертолёт готов к вылету в любую минуту.

– Благодарю, генерал, останемся в долгу. – Спицын встал.

Скорчак поднялся тоже.

– Скажите, полковник, что вы хотите узнать от моих службистов? Ходите всё вокруг да около, никак в толк не возьму. В чём вы их подозреваете?

– В связях с пришельцами, – подмигнул ему Спицын, выходя из кабинета.

Хутор Синдор

7 июля, 13 часов дня

Установилась хорошая погода, и Пахомыч наконец занялся хозяйством: надо было починить застреху под крышей сарайчика, дверцу на колодке, убрать лежалую траву на краю огорода и подставить под ветки яблонь подпорки.

Поиски егеря Степчука и пропавшего пилота затянулись, велось вяло, отчего у Пахомыча сложилось мнение, что никого особенно не волнует, куда девались егерь и лётчик. Сам он Степчуку не сочувствовал, но не потому, что не любил бывшего зэка, он и видел-то его всего три раза, а вследствие сложившейся ситуации. Просто так егерь пропасть не мог, а как он отбил от компании охотников и куда потом девался, можно было только гадать. На ум приходило лишь что-то совсем криминальное, типа – убили в ссоре. Потому как в «простую смерть» – утонул в болоте, к примеру, – Пахомыч не верил.

Когда он уже заканчивал сгребать траву, собираясь её сжечь, в огород прибежала жена:

– Тебе звонят, старый.

– Кто? – разогнулся лесник.

– Максим. – Она протянула мобильный телефон; «Нокиа» была старая, чуть ли не пятилетнего возраста, но работала исправно, хотя вид имела обшарпанный.

– На трубе, – сказал Пахомыч в микрофон.

– Дядя Коля, привет, – послышался голос племянника. – Извини, что беспокою, дело есть на полмиллиона.

– Да я вроде никому такую сумму не одолживал, – пошутил Пахомыч.

– И не надо. Нового ничего?

– Да что у нас может быть нового? Лоси так и не нашлись, медведи тоже. Вот с огородом вожусь, запустил со всеми нашими злключениями. Егеря до сих пор ищут, военные с ног сбились. Живём помаленьку. Что у тебя слышно?

– Примерно то же самое. Что ж ты мне не сказал про видеокамеру?

– Да странное дело, – Пахомыч опустил грабли, присел на ольховый пень, – запомятовал. Никогда такого со мной не случилось. Обнаружил её, камеру, значит, когда вы уже уехали. А опосля приехал ваш сотрудник, ну и я вспомнил, отдал.

– Кто её у тебя оставил, не вспомнил?

– Нет, – виновато шмыгнул носом старик. – Хоть убей! Она у меня почему-то в погребе лежала.

– Странно.

– Да уж, такая вот беда.

– Ладно, вспомнишь, позвони. Я к тебе скоро приеду, и, скорее всего, не один.

– С Олькой, что ли?

– Может быть.

– Понравилась девка? Красивая, хотя и строгая.

– Уж что есть...

– Буду рад видеть вас обоих, приезжайте.

Разговор закончился. Пахомыч посидел немного, чувствуя, как ноет поясница, глотнул водички из фляги и снова принялся сгребать траву. Однако закончить работу ему не дали. Снова прибежала Евгения Евграфовна:

– К тебе пришли.

– Кто на сей раз? – проворчал Пахомыч.

– Двое городских, ухоженные такие, и этот ваш охотовед, Пупель... Фупель... не выговоришь, ей-богу.

– Пуфельрод?

– Он.

– Чего им надо?

– Так ведь не я им нужна.

– Пошли, что ж делать, не гнать же их.

Гостей и в самом деле было трое: Пуфельрод Борис Аронович, заросший жёсткой седой щетиной, и двое мужчин, одетых в гражданские костюмы из синего вельвета. Евгения Евграфовна не зря назвала их «городскими». Один был русоволосый, с большими залысинами на круглой голове с огромным лбом, с острым взглядом серо-голубых глаз, второй черноволосый, черноглазый и резкий в движениях.

– Здравсьте вам, – сказал Пахомыч, оглядывая компанию, не спеша впускать гостей в дом. – По какой надобности?

– Поговорить надо, – буркнул Пуфельрод, снимая брезентовый плащ; было жарко, однако начальник Синдорского охотхозяйства почему-то оделся по-осеннему.

– Говорите.

– Не будем же мы здесь стоять? Это из Москвы, полковник Спицын и майор Ширянов.

– Полковник? – не поверил старик. – Большой начальник, видать.

– ФСБ.

– Ух ты, чекист? Ладно, проходите в хату, чекистов я уважаю.

Гости переглянулись, в глазах Спицына промелькнула тень улыбки, и это Пахомычу понравилось. Он открыл калитку.

Расположились на веранде, где несколько дней назад чаёвничала команда Максима.

– Сваргань чайку, Графовна, – попросил Пахомыч жену. Расселись за столом.

– Слушаю, гости незваные.

– Как тут у вас, тихо? – поинтересовался Спицын.

– Не воюем, – усмехнулся Пахомыч. – Ты пустопорожние разговоры не заводи, полковник, давай ближе к делу.

– Пахомыч! – недовольно крякнул Пуфельрод.

– Всё правильно, – кивнул Спицын, – я тоже не люблю лишних разговоров, время дорого. О происшествии мы слышаны, но хотелось бы узнать подробности. Особенно в части находки – видеокамеры. Кто её у вас оставил? Когда? Зачем?

– Не помню, – отрезал старик. – Кто хошь мог зайти, пока меня дома не было, тут людей пришлых – цыганский табор!

– Это верно, почти что табор, – улыбнулся Спицын. – Верю, надоело. И всё же расскажите, с чего всё началось. Зачем сюда приезжал ваш племянник, что делал.

– Я ему позвонил, пожаловался, что звери начали пропадать, он и приехал.

– Один?

– Сначала один, потом приехали его друзья.

– Понятно. Сколько их было?

– Четверо.

– Не тяни, Пахомыч! – сердито сказал Пуфельрод. – Что из тебя слова клещами надо тащить? Давай с самого начала, как ты обнаружил пропажу.

– Я не мастер разговорного жанра, – обиделся Пахомыч, поджав губы. – Как могу, так и гутарю.

– Мы слушаем, – сказал Спицын. – Борис Аронович, не торопите человека.

Лесник подождал, пока жена расставит по столу чашки и блюдца, вазочки с вареньем, начал рассказывать.

– Значит, ваш племянник вызвал своих друзей после того, как исчезла Ольга? – уточнил Спицын, когда повествование закончилось.

– Ну да, он мне сообщил про Ольгу, сам расстроен был, а потом и он пропал, двое суток искали.

– Он не рассказывал, что случилось? Где плутал, почему не звонил, как оказался вместе с Ольгой?

– Сказал только, что обходил болото, наткнулся на своих ребят, а потом встретил охотничков, туды их в качель!

– А Ольга как с ним оказалась? Он сначала её нашёл или охотников?

– Этого не ведаю, не спрашивал.

– Вернёмся к видеокамере. Нам важно знать, кого вы встречали в деревне, возле дома, в лесу, особенно из тех, кого не знаете, не считая солдат и офицеров группы поиска. Что вам показалось подозрительным, что отложилось в памяти.

Разговор начинал тяготить. Гостей интересовало всё, что происходило на хуторе и возле него во время поисковой операции, малейшие детали, разговоры, а Пахомыч ничего не мог добавить к сказанному. Он действительно не помнил, как чёртова видеокамера оказалась у него в погребе.

Евгения Евграфовна принесла пирог с лесными ягодами.

Принялись за чай.

– Боюсь, я вас разочарую, – покачал головой Пахомыч, не притрагиваясь к чашке. – Никого подозрительного в лесу и возле хутора я не встречал. С видеокамерой та же история – не помню, кто принёс. Умом повредиться можно, если представить.

– А вот ваши соседи говорили, что якобы видели в лесу подозрительного человека в камуфляжной форме и даже с видеокамерой. Неужели вы, лесник, опытный специалист с зорким глазом, никого не заметили?

– Заметил – сказал бы, – вдруг заговорила Евгения Евграфовна, заменявшая чайник. – Вы бы лучше приказали полиции не мусорить, а то прямо за околицей свалку устроили.

Она смутилась под взглядом мужа, шмыгнула в горницу.

Мужчины посмотрели ей вслед.

– Мы не по этой части, – сказал майор Ширянов.

– Она права, – хмуро сказал Пахомыч. – Никто ни за что не отвечает, а с нас спрашивают. Кто за вашими хлопцами убирать будет? Снова нам придётся?

Спицын поднялся.

– Я поговорю с командованием спасателей. Спасибо за чай. Если вспомните что, найдите нас, мы тут побудем ещё какое-то время.

Гости ушли.

Пахомыч проводил их до калитки, посмотрел на проехавший по улице зелёный военный джип, вернулся в дом.

– Ох, старый, не нравится мне всё это, – вздохнула Евгения Евграфовна, покрестилась на икону Божьей Матери, висящую в красном углу горницы. – Не к добру к нам гости зачастили. Может, уедем куда, пока тут суета не стихнет?

– Куда?

– Да хоть к тётке Матрёне в Свяжск.

– Ты и поезжай, а я остаться должен, не могу я участок бросить. Да и Максим обещал приехать.

Походив по хате, Пахомыч решил было вернуться на огород, однако ещё одна порция гостей окончательно развернула его планы.

На сей раз в дом наведлся капитан полиции Посвитлый, с которым когда-то повздорил Максим. Капитан, одетый в камуфляжную форму, пришёл с двумя рослыми бойцами ОМОН. Причём стучаться в дверь он не стал, сразу прошёл в хату, отодвинув Евгению Евграфовну.

– Чего надо? – не сдержался Пахомыч.

– Собирайся, старик, с нами поедешь, – равнодушно приказал капитан, оглядев блеклыми глазами горницу.

– Это ещё куда?

– За кудыкины горы.

– Не поеду я никуда! – возмутился лесник. – Мне работать надо. Только что гости из Москвы ушли, я им всё рассказал.

– А теперь нам расскажешь. – Посвитлый бросил взгляд на подчинённых, и те взяли Пахомыча под локти.

– Чтоб вас леший задрал! – выругался в сердцах Пахомыч. – Дайте одеться хоть.

Его отпустили.

– Позвони Максиму, – шепнул он жене, сунув ей мобильный. – Обскажи всё.

Евгения Евграфовна кивнула, прижав кулачки к груди.

Через минуту его вывели из дома и усадили в военный джип «Патриот».

Солнечная система,

борт проникателя,

2-й иероглиф отсчёта времени

(соответствует 1-му часу по Гринвичу, Земля)

Посредники НАМР – Независимой ассоциации межгалактических риэлтеров – рисковали всегда, предлагая покупателям те или иные объекты недвижимости в пределах Галактической Торговой Зоны, потому что действовали вне закона, как наёмники «чёрных продавцов». За этот риск они и получали плату, которая гарантировала им если и не душевное спокойствие (души у этих существ, как правило, образно говоря, тоже были чёрными), то удовлетворение.

Плата была разной, в зависимости от масштаба сделки, представляя собой либо материальные блага, либо передаваемые в единоличное пользование планеты и звёзды. И ради этого шли на все ухищрения, чтобы Покупателю понравился предлагаемый объект.

С продажей Съёна у посредника А-Фортэ, больше известного под именем господина А, случился казус. В дело вмешалась Галапоция – Галактическая полиция, и господина А передали в руки, а точнее, лапы судильщиков Галактического Трибунала. В результате расследования процесса продажи подготовленной двойной планеты и установления того факта, что на Съён в качестве хищников было перенесено множество разумных существ десяти разумных рас, в том числе с третьей планеты рядовой жёлтой звезды, которую жители – люди – называли Солнцем, А-Фортэ мог получить пожизненный срок на рудниках «первоматерии» в центре Галактики.

Однако вмешался родственник господина А из Галактического Синедриона, и нанятые ими адвокаты блестяще доказали, что А-Фортэ к переселению разумных на Съён непричастен. Ошиблись унисорги – искусственные существа, функционально ориентированные организмы, кстати, весьма похожие на людей, неверно воспринявшие программы переброса на Съён хищников. Они-де посчитали людей и других похищенных за сверххищных представителей галактической фауны, что в общем-то было недалеко от истины, и проявили нездоровую инициативу. За что впоследствии были перепрограммированы.

А господин А-Фортэ вышел на свободу.

Для него неудача со Съёном послужила хорошим уроком, хотя в глубинах памяти он затаил обиду на тех, кто его подставил. В первую очередь – на сотрудников Галапоции, во вторую – на людей, сумевших добраться до Центра контроля на Съёне и обратить на себя внимание галактической полиции. Их он поклялся найти и ликвидировать любой ценой.

Однако для того чтобы начать операцию по ликвидации обидчиков, следовало серьёзно подготовиться, дабы контрразведка Галактического Трибунала не смогла определить параметров внешнего вмешательства в дела человеческой расы, признанной условно разумной. Поэтому А-Фортэ сначала позаботился о скрытности своих действий, а потом нанял опытных решальщиков – наёмников, способных осуществить задуманное.

К тому же на помощь пришёл случай: в НАМР обратился представитель Покупателя из расы Летающих-Прыгающих и сообщил о намерении купить как раз ту самую третью планету Солнечной системы, на которой жили обидчики господина А. Когда представителю Покупателя сказали, что планета населена, он заметил не моргнув глазом (глазами ему служили все выпуклые части многосложного многочленистого тела):

– Так зачистите её!

После этого А-Фортэ и получил доступ ко всем данным касательно человеческой расы, чтобы оценить её потенциал, военную мощь, способность защищаться и сопротивляться внешней агрессии.

Способности человечества оказались весьма велики.

Много раз оно становилось на край полного самоуничтожения из-за внутренних распрей, но каждый раз более или менее благополучно выходило из тупика. Оно и в настоящий момент балансировало на грани исчезновения, породив тотальную систему терроризма и продолжая гонку вооружений. Но к принятию последнего коллапсирующего решения его надо было подтолкнуть, чтобы человечество переступило наконец «порог невозврата» в прежнее состояние прогресса.

Аналитики НАМР подготовили для А-Фортэ несколько вариантов ускорения событий на Земле.

Как оказалось, НАМР давно наблюдала за человечеством. Кроме того, была разработана и апробирована база финансового и экологического кризиса, состоящая из двух фаз – пост-индустриальной, в развитых странах, и вторично-промышленной, в странах так называемого

третьего мира. Первая фаза прошла свой пик в конце двадцатого века, вторая начала набирать обороты в начале двадцать первого столетия.

Наблюдали за процессами на Земле водные кластеры в атмосфере и гидросфере планеты, работающие в режиме видеокамер, так что земляне о наблюдении практически ничего не знали, не считая случаев со сбоями в работе этих «видеокамер», которые приводили к появлению НЛО и аномальных физических явлений. Но это не волновало наблюдателей из НАМР. Они добились главного: земляне успешно претворяли в жизнь планы галактических риэлторов, способных продать не только одну планету, но и целые звёздные системы.

Рекламная кампания в средствах массовой информации Галактики, инициированная НАМР, утверждала, что будущее человечеству не по средствам, если оно продолжит траекторию падения в пропасть, намеченную двадцатым веком – и разработчиками уничтожения жизни НАМР, о чём знали только те, кто был с этим связан.

Основы расчёта были предельно просты.

В год человечество производило почти сто миллионов автомобилей и рожало столько же носительниц расы – девочек, на содержание, кормление и воспитание которых шло гораздо меньше средств, чем на производство и содержание машин. В общественное понимание жителей Галактики была вброшена латентная информация о происходящей на Земле деформации коллективного интеллекта человечества, которую надо было немедленно исправлять. Метод же исправления предлагался один – стерилизация. Землю надо было срочно очистить от «условно разумных» хищников-людей, чтобы они не распространили своё влияние на всю Галактику.

Общий план стерилизации был таков.

Контакты, в том числе скрытые, всех галактических субъектов с землянами прекращались.

Третья от Солнца планета консервировалась на пятьсот земных лет.

Человечество начинало глобальную войну на уничтожение, и большинство хищников погибало.

Вызванные особыми установками кислотные дожди уничтожали весь металлический мусор, технику и нежизнеспособные виды флоры и фауны.

Практически стерильная планета становилась пригодной для заселения новыми видами жизни и подготавливалась для биосферизации.

Ещё через пару сотен лет НАМР выставлял Землю на галактический аукцион в качестве лота для индивидуального пользования.

Это – в случае «естественного» течения событий и невмешательства извне в дела людей. На самом деле вся стерилизация, конечно же, управлялась бы извне.

Но А-Фортэ не хотел ждать пятьсот лет, поэтому подготовил свой план раскачивания ситуации «в логове хищников» и заслал агентов на Землю, чтобы те: первое – нашли потерянный унисоргами хаур – аппарат для вневременного перемещения объектов в пространстве Галактики, второе – определили местонахождение людей, помешавших продать Съён, и третье – уничтожили их задолго до окончания операции по глобальной стерилизации планеты.

В день, который на Земле был обычным днём восьмого июля, воскресеньем, А-Фортэ предложил куратору Покупателя сделать облёт Солнечной системы, и они устроились в специальных креслах – оба принадлежали к разным расам с разными водно-воздушными балансами – модуля наблюдения на борту Проникателя «Ходюдехоцца».

Проникатель, принадлежащий посреднику, взлетел с планеты красной звезды на краю Галактики, принадлежащей самому господину А, за один деволий⁶ преодолел расстояние в сто линомер, что соответствовало тридцати тысячам световых лет в терминах людей Земли, и,

⁶ Деволий – примерно десять минут по времени Земли.

невидимый радарными и телескопами землян, вышел на орбиту вокруг крайней планеты Солнечной системы.

– Что это за обломки? – спросил куратор заказчика, с пренебрежением полюбовавшись на две ледяные планетки с десятком спутников поменьше, сверкавшие под Проникателем.

Куратор по имени Ск-Чк-Тц больше всего напоминал помесь земного насекомого стрекозы с кенгуру, являя собой расу Летающих-Прыгающих, населявшую один из звёздных рукавов Галактики. Язык этой расы был очень сложен и необычен, так как изъяснялись меж собой «кенгуру-стрекозы» с помощью серий щелчков. Горло А-Фортэ, принадлежащего к классу земноводных, не способно было издавать такие звуки, и для общения приходилось пользоваться лингвомашинами.

– Это мини-планета под названием Плутон, – ответил А-Фортэ, – со спутниками Хароном, Никтой и более мелкими⁷. Названия, разумеется, дали земляне. Ещё совсем недавно они считали Плутон последней планетой Системы, но потом переименовали в мини-планету. Таких на задворках Системы обнаружено уже больше двух десятков, хотя в поясе Койпера и облаке Оорта, как земляне называют оставшийся строительный мусор, мини-планет⁸ подобных размеров и массы гораздо больше.

– Моим боссам этот мусор не нужен.

– Кто знает, какая фантазия ударит им в голову. Из этого ледяного мусора можно построить ещё пару полноценных планет. Но я лишь информирую вас о материальных запасах Системы, которые могут использоваться для переформирования других планет. Четвёртая планета не имеет открытых водоёмов и толстой атмосферы, можно будет перенести на неё ледяные плутино и создать атмосферу и океаны.

– Мы подумаем, – прощёлкал ответ Ск-Чк-Тц.

Проникатель устремился в глубь Солнечной системы.

А-Фортэ показал спутнику все большие планеты, начиная с последней, носящей название Нептун, и заканчивая Юпитером.

Возле окольцованной планеты по имени Сатурн они задержались.

Вид сверкающих под лучами звезды колец и свиты, состоящей из сотен спутников, подействовал завораживающе даже на Ск-Чк-Тц, хотя вряд ли он был эстетом, и «кенгуру-стрекоза» долго рассматривала творение природы, задумчиво складывая и расправляя верхние полупрозрачные крылья.

А-Фортэ терпеливо ждал, вспоминая Съён, имевший такие же прекрасные кольца. Заказчик где-то видел планеты с кольцами и решил обзавестись не менее впечатляющими, в соответствии со своими вкусами. Кольца ему сделали, но Съён уплыл из ведения НАМР, и теперь планетой распоряжался Кабинет временных управляющих Конгресса Галактических цивилизаций, таково было решение Галактического Трибунала. Представителей разумных рас, ошибочно перенесённых унисоргами на Съён, вернули на родные планеты, откорректировав им память, а объект продажи стал недоступен для сотрудников НАМР.

А-Фортэ пережил приступ гнева, что выглядело устрашающе: глаза его налились красным свечением, челюсть выступила вперёд, стали видны иглозубы, которыми он мог свободно перекусить кости лап противника или прокусить ему череп; недаром корни этноса господина А восходили к предкам, которых земляне называли бы гибодонтами. Но его спутник не заметил мимики посредника.

– Да, такие кольца не мешало бы соорудить у предлагаемой вами планеты, – изрёк наконец представитель Покупателя. – Есть такие возможности?

⁷ В настоящее время земные астрономы открыли четыре спутника Плутона: Харон, Никту и два спутника под номерами Р-4 и Р-5.

⁸ Эти мини-планеты получили название плутино.

– Изыщем, можно реализовать любой каприз заказчика, – заверил его А-Фортэ, – если будет предложена хорошая цена. Мы дойдём до обсуждения этого предложения. Будем смотреть Юпитер?

– Что это?

– Самая большая планета Системы, газовый гигант.

– В следующий раз.

– Тогда я вам покажу ещё одну планетку, достойную освоения.

Проникатель пересёк пояс астероидов, располагавшийся между орбитами четвёртой и пятой планет Системы⁹, завис над красной планетой, имеющей два крохотных спутника¹⁰.

– Эта? – скептически прощёлкал Ск-Чк-Тц. – Она же совсем голая.

– Миллиард скьюзов назад она была населена, следы цивилизации можно встретить до сих пор. Планету легко можно доукомплектовать водой и атмосферой, как я уже говорил, заселить любой фауной, и она станет настоящим сокровищем.

– Слишком долго ждать.

– Тут вы правы, – согласился А-Фортэ, – подождать придётся. Но, возможно, ваши хозяева согласятся впоследствии присоединить планету к своим владениям?

– Разве что в качестве военного полигона. Однако я доложу им о вашем предложении.

Проникатель скользнул к третьей планете Солнечной системы, служащей предметом торго, остановился между самой планетой и её спутником.

– Вот вам и кольца, – указал А-Фортэ на спутник, названный землянами Луной. – Можно раздробить его весь, можно частично, чтобы планету освещали и кольца, и красивое ночное светило.

Ск-Чк-Тц не ответил, разглядывая по очереди Луну и Землю. Верхний ряд его «стрекозиных» крыльев то опускался на плечи существа, то поднимался вверх. Могучие нижние конечности в пупырчатой фольге ёрзали по полу, словно он собирался прыгнуть.

А-Фортэ понял, что его идея представителю заказчика понравилась.

– Не правда ли, будет весьма эстетично? Наши специалисты поработают, и я предоставлю вам дизайн-проект внешних объектов планеты.

– Хорошо, мы подумаем. Нас эти хищные аборигены не видят?

– Не беспокойтесь, приятель, наш аппарат создан по технологии «стелс», в данный момент его невозможно увидеть.

– Планета принадлежит им?

– Люди – изгой, их планета изначально принадлежала Иггам с планет одной из ближайших звёзд, потом Игги провели эксперимент по созданию искусственных слуг, слуги – черно-головые – подняли восстание, и жизнь на планете была уничтожена. Почти. Люди – это ассимилировавшие потомки Иггов и их же слуг. Исключительные хищники! Если они выйдут в космос, нам всем не поздоровится.

– Но сейчас они нам не опасны?

– Абсолютно.

– В таком случае прошу сделать облёт планеты на более низких высотах.

– Без проблем.

Проникатель сделал прыжок и вышел на орбиту вокруг Земли.

Москва, улица Алабяна

8 июля, 11 часов утра

⁹ Марс и Юпитер.

¹⁰ Фобос и Деймос.

Его встретили, когда Максим честно собирался отправиться в Управление внешних коммуникаций ФСБ к двенадцати часам дня. По пути он хотел заехать к Брызгалову, который временно жил у метро «Аэропорт», на улице Красноармейской, и обсудить с ним детали предполагаемого рейда в Синдорские леса. Однако в этот день всё пошло не так, как он планировал, и доказательством этого послужила первая же утренняя встреча.

Возле его машины во дворе дома стояли двое мужчин спортивного вида и молча рассматривали суперкар майора – «КИА Торнадо».

– Понравилась? – приветливо сказал Максим, подходя к машине и на всякий случай прокачивая ситуацию.

Это стало уже привычным делом, так как нюансы повседневной жизни оперативника ГРУ, особенно за рубежом, требовали постоянной бдительности и психического напряжения. Нельзя было не только расслабляться, даже на мгновение, но и подумать об этом.

Мужчины, брюнет и блондин, уставились на него, не мигая. Брюнет был молод, не старше двадцати пяти лет, второму исполнилось лет сорок, судя по «издержанному» бугристому лицу. И от обоих веяло странной неестественной чужеродностью, несмотря на вполне мирный гражданский вид.

– Одинцов? – спросил мужчина постарше.

Его голос – глубокое контральто – Максима поразил, так как, по его понятиям, мог принадлежать только женщине, мужчины так не говорили.

– Вы Одинцов? – повторил вопрос брюнет.

Максим насторожился ещё больше: этот голос показался ему знакомым. Через мгновение он вспомнил его – именно этот человек требовал у него хаур по телефону – и привёл себя в полную боевую готовность.

– Допустим. Что дальше?

– Съён, – коротко, с нажимом, сказал брюнет.

– Очень приятно, – хмыкнул Максим. – Одинцов. Странное у вас имя. Издалека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.